

В. Т.
НАРЕЖНЫЙ

Сочинения

Василий Трофимович Нарезный

Славенские вечера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2548435

В.Т. Нарезный. Сочинения: М.; 2011

Аннотация

«На величественных берегах моря Варяжского, там, где вечно юные сосны смотрятся в струи Невы кроткие, в отдалении от пышного града Петрова и вечного грохота, по стогнам его звучащего, при склонении солнца багряного с неба светлого в волны румяные, часто люблю я наслаждаться красотой земли и неба великолепием, склоняясь под тень деревьев высоких и обращая в мыслях времена протекшие.

Там иногда сонм друзей моих и прелестных дев земли Русской окружает меня. Кроткое пение их разливается по берегу и, журча вдали среди кустов зеленых, теряется в пространстве воздуха...»

Содержание

Вечер I	7
Вечер II	18
Вечер III	30
Вечер IV	35
Вечер V	49
Вечер VI	63
Вечер VII	75
Вечер VIII	87
Вечер IX	99
Вечер X	116
Вечер XI	131
Вечер XII	145
Вечер XIII	158
Словарь устаревших слов	168
1	170
2	171
3	172
4	173
5	174
6	175
7	176
8	177
9	178

10	179
11	180
12	181
13	182
14	183
15	184
16	185
17	186
18	187
19	188
20	189
21	190
22	191
23	192

Василий Трофимович Нарезный Славенские вечера

На величественных берегах моря Варяжского^{1}, там, где вечно юные сосны смотрятся в струи Невы кроткие, в отдалении от пышного града Петрова и вечного грохота, по стогам его звучащего, при склонении солнца багряного с неба светлого в волны румяные, часто люблю я наслаждаться красотой земли и неба великолепием, склоняюсь под тень деревьев высоких и обращая в мыслях времена протекшие.

Там иногда сонм друзей моих и прелестных дев земли Русской окружает меня. Кроткое пение их разливается по берегу и, журча вдали среди кустов зеленых, теряется в пространстве воздуха.

Иногда берут они звонкие орудия и светлыми звуками их прославляют величие добродетели и верных друзей ее.

Потом – гласы их смягчаются, звоны орудий едва приметны. Они поют любовь невинную и ее приятности.

В кротком упоении души я вещал им:

«Видел я страны чуждые и красоты земель отда-

ленных; видел весну цветнее, видел лето блистательнее, видел осень обильнее благословениями полей и вертоградов, нежели в стране нашей; но нигде не видал я старцев почтеннее, мужей величественнее, юношей любезнее и дев прекраснее, как в земле Славеновой».

«Воспой нам, – вещали они мне, – воспой нам песни о доблестях витязей и прелестях дев земли Русской во времена давно протекшие!»

«Исполню желания ваши, – отвечивал я. – При закате солнца летнего в воды тихие приходите сюда внимать моему пению. Поведаю вам о подвигах ратных предков наших и любезности дев земли Славеновой».

Вечер I КИЙ И ДУЛЕБ

Гордо возвышались на берегах Днепровских грозные стены пышного города Киева Князь¹. Юный вождь юного еще народа с удовольствием Духа Белого² взирал на возрастающую славу своих тысячей. Народы иноплеменные, дикие и грозные толпы, скитавшиеся среди гор Днепровских, познали благо общежития и покорили умы свои Кию, мудрому князю Полянскому. Он дал им мир и суд, – и сердце его веселилось их счастьем. Один Дулеб, бурный вождь и князь свирепых племен, носивших имя его, не познал силы его оружия, не вкусил сладости в повиновении владыке мудрому.

Покрытый кожей сраженного им медведя, окруженный тысячами диких своих послушников, лютый Дулеб неоднократно нападал на селитьбы народа Киева, предавал все мечу и пламени, и свирепая душа его веселилась и кровожадные уста его осклаблялись при виде трупов, омытых кровию. Быстро потом укрывался он в вертепах гор своих и в шумной радости тор-

¹ Кий есть основатель города своего имени.

² Гений древних полян. (*Примечания Нарезного.*)

жествовал бесчеловечную лютость свою. Он упивался кровью пленных, и дикий, неистовый вопль радости его народа мешался с ревом зверей пустынных, отдаваясь с шумом в дубравах отдаленных.

Но, к великому удивлению князя и народа Полянского, когда уже три крата нарождался и умирал месяц на небе полуночном, Дулеб пребывал покоен в недрах пещер своих.

«Благодарение Световиду^{2}, – вещал Кий к своим старейшинам: – Дулеб познал преступность своих деяний и покорился внушениям Духа Белого».

Среди града, на возвышенном холме, воздвигнут был храм Перуну^{3}, державному обладателю грома и молнии.

У подножия храма сего, окруженный старейшинами и оруженосцами, сопровождаемый вождями племен чуждых, покоровшихся законам Киевным, с появлением дня каждого, приносил князь жертвы – богу невидимому, но великому, и потом давал суд своему народу. Вдохновенный божеством, сопричастным месту тому, Кий поучал народы свои познавать богов и чтить их веления. Он открывал им таинства, как земля, изрытая плугом, принимая в себя семена сельные, отдает их с лихвой своему попечителю. Он научил их, как крепкие сосны, падшие под острием секиры, быв соединены вервием, носятся по волнам днепровским

и служат человеку способом общаться со странами, отделенными от него волнами глубокими. Он говорил – и тысячи мнили видеть в лице его юное некое божество, мудрое и благодетельное.

В единый день, когда Кий совершал по обыкновению великое дело владычествования, являются к нему два воина иноплеменные. Поляне толпились за ними, и воины Киевы провожали их к своему обладателю. Звериные кожи покрывали рамена пришельцев сих, отягченных луками и колчанами стрел смертоносных. Они опирались на огромные булавы дубовые, усеянные шипами железными.

«Повелитель племени Полянского! – сказал старейший из них, приближаясь к Кию: – Владыке моему, могущему Дулебу, страшному врагам своим и высокоценному друзьям, наскучили брани кровавые, и мышца его дарует покой тебе и твоему племени. Для сего хочет он заключить с тобой союз братства и утвердить его на времена грядущие.

Отдай ему в жены Лебеду прекрасную, сестру твою».

Кий пребыл в молчании. Взоры старейшин и воинства устремлены были на вождя своего.

Кий вещал:

«Да изыдет Дулеб из вертепов своих на поля днепровские и поселится с народом своим на земле на-

шей; да преклонит колена пред изображениями богов наших и покорится законам Киевским; тогда вручу ему Лебеду, сестру мою, и обниму в нем брата дружелюбного».

«Дулеб никогда сего не сделает», – отвечал посол его.

«Не отдам прекрасной сестры своей на жертву зверю лютому».

Дулебянин берет из колчана своего стрелу острую, преломляет ее наполю и один конец подает князю Кию. Стремительно принимает Кий знак брани кровавой, и полки его восшумели; загремели доспехи бранные, и звучный глас щитов, копьями ударяемых, разлился по стогнам града.

«Война свирепому Дулебу, обладателю вертепов мрачных; кровавая война лютому рушителю тишины благословенной!» – вещал Кий.

И воины иноплеменные с мрачною душою, со свирепыми взорами тихими шагами направили обратный путь свой.

День прошел в приготовлениях к битве.

Как скоро шумящий Днепр увенчался последними багряными лучами закатающегося великого светила небесного, Кий с сподвижниками своими выступил из града, дабы в темноте ночной, при свете месяца среброцветного, пройти пространство земли своей и

воспретить гордому Дулебу внести опустошение в его пределы.

Едва Зимцерла³ златоблестящая, вечно юная, престная невеста Световидова, отверзла врата неба величественному жениху своему, едва начали померкать звезды небесные пред алыми ее ланитами, Кий и воинство его узрели мрачного Дулеба, выходящего из лесов своих с тысячами.

Грозно, подобно буре, казалось чело его, когда узрел он, что уже подняты мечи на его поражение, направлены щиты для отражения мощного падения булавы его. Он идет, и вождь Полянский выступил вперед; сонмы его за ним следовали – до тех пор, как глас каждого мог слышим быть врагом его и как пущенное копье могло вонзиться в груди неприязненной.

Они остановились.

«Владыка племени Полянского и обладатель берегов Днепровских! – сказал Дулеб гласом, подобным реву горных ветров, стенанию волн во время бури. Известна тебе крепость мышцы моей; подвиги мои не уклонились слуха твоего. Многие из сильных и могущих пали под ударом булавы сей, и путник не находит места, где тлеют разгромленные кости их. Велики и почтенны мои приятели. Гордые цари града Константинова трепещут имени Дулебова, – и бесчисленная

³ Аврора древних славен. (Примеч. Нарезного.)

рать их не дерзает остановить на себе гневного взора моего. Избирай теперь: друга ли вижу в тебе или врага-противника?»

«Не ищу, – рек величественно Кий, – не ищу себе друга сильного; ищу друга мудрого. Покорись условиям, объявленным мною послу твоему, – и Кий познает в Дулебе брата своего».

«Никогда!» – возгласил Дулеб.

И ратники его подняли булавы на рамена свои; оба воинства двинулись, и се.

От среды рядов Киевских отделяется и становится по среде обоих воинств старец, вооруженный доспехами. Белая брада его развевалась по груди, покрытой железными листами. Льняная мантия струилась на раменах его, подобно легкому туману, когда он, при восшествии царя светил небесных, колеблясь по вершинам дубов древних, спускается на траву злачную и обещает красной день трудолюбивому землепашцу. В деснице его сияла арфа работы иноземной; он шел, опираясь на копие, и взор его, устремленный к небу, был тих и величествен.

Воинства, как бы движимые внушением воли Невидимого, остановились. Взор и поступь мужа великого приковали булавы к раменам полчищ Дулебовых.

Старец налагает персты свои на золотые струны, – раздался звон, стройный и сильный, кроткий в вели-

честве своем. Он произносит слова, сопровождая их звуками приличными.

«Хвала и честь мужам мудрости! Гибель и поношение сынам гордости и неразумия!

Куда стремитесь вы, обитатели гор и вертепов? Чего ищете вы, бурные дети страстей своих?

Веселие питает душу земного странника; но веселие кроволитием не обретается! Радость свойственна душам нашим; но радость не обитает в долинах, усталых трупами! Необходимо для духа великого – искать блага; но кто обретет его в насилии?

Куда же стремитесь вы, обитатели гор и вертепов? Чего ищете вы, бурные дети страстей своих?»

Дулебяне опустили на землю булавы свои и, опершись на них, в изумлении внимали словам старца.

«Что есть настоящая радость ваша?

Она есть веселый вопль зверя пустынного, терзающего в когтях своих добычу робкую! Но радость такая не есть удел человечества!

Что есть слава ваша?

Слава Духа Черного, утешающегося бедствием и преступлением человеков! Но не такая слава определена благороднейшему из созданий.

Что есть вся жизнь ваша?

Она есть мрак дубравной пещеры, в которой веют ветры бурные, раздается стон, – и дикие звери с ужа-

сом уклоняются. Но таковая ли жизнь назначена на перснику небес?

Так судили боги, благие обладатели всей земли: боги полян и дулебян боги стран отдаленнейших!

Вы возвращаетесь с полей битвы пораженные. И пустынные супруги ваши не прольют слезы сожаления! Вы не дали им познать радостей жизни и прелестей свободы!

Вы возвращаетесь победителями. И робкие подружки жизни вашей, и юные плоды любви вашей не встречают вас улыбкою! Они привыкли взирать на вас, победителей, как на буйных властелинов, прихотливых рабов гордости и жестокостей!

Что же вся жизнь ваша, когда солнце радости не озлащает дней ваших; когда месяц, протекая nocturne небо ваше, изливает лучи свои на страну хладного уныния?»

Тишина душевная разлилась в свирепых взорах дулебян; мрак и зверство улетели мгновенно с ланит их. Легкий, кроткий гул разлился в воинстве.

Старец вещал:

«Обратитесь же, сыны мрака и горести, на путь жизни истинной; и вы будете мгновенно друзья и братья племени Полянскому, вы учинитесь дети света и веселия. Улыбка воссияет на лицах ваших, и в дому вашем водворится цель жизни вашей, награда величия,

утешение во дни мрака душевного, отрада во всякое время, водворится любовь со всеми своими прелестьями».

Старец умолк; но звуки арфы его долго струились еще в воздухе и нежили слухи полчищ дулебовых, подобно кроткому, сладкому дыханию ветерка, который, принеся к нам запах розы, пролетел мимо. Мы все еще чувствуем сладость ее благоухания и прохладу от легких крыл юного сына весны цветущей.

Длилось безмолвие в рядах дулебовых. Мало-помалу прояснились взоры его ратников. Наконец некий восторг одел их светом радости и сердечного упоения. Восшумели полки ратные – подвинулись, и вопль их загремел в пространствах долины:

«Хвала и честь Кию, мудрому обладателю племени Полянского! Мы хотим поклониться ему – и познать счастье жизни».

«Вы познаете его», – вещал Кий – и обнял старейшин.

Полчища смешались, – и оба воинства заключили друг друга в братские объятия.

Вдали стоял Дулеб на холме возвышенном. Поражающие взоры его обращались на отпадение своих воинов. Трикратно поднимал он булаву свою, дабы одному вторгнуться в ряды и поразить вероломных, и трикратно опускались мышцы его. Гордость и злоба

волновали грудь широкую.

Наконец – раздался грозный глас отчаяния:

«Не хочу быть рабом твоим, коварный честолобец! Не хочу унизиться пред обольстителем народа!»

Стремительно берет он с рамен своих колчан великий, вынимает стрелу крепчайшую и вонзает ее в грудь свою.

Раздался звон, и кровь черная пролилась на землю. Кий и старейшины устремились к отчаянному, но уже взор Дулебов закрылся, и бесчувственный витязь лежал на песке сыпучем. Вдали носилась хищная птица, готовая терзать бездушные остатки мужа сильного.

«Незабвенна да будет память твоя в родах отдаленных! – вещал Кий. Свирепа была душа твоя, но ты был храбр во дни битв кровавых. Имена храбрых да будут священны для потомков!»

По его велению возвысился мгновенно курган высокий над телом Дулебовым – там, где кедры и сосны осеняют его подножие.

Часто, в бурную ночь, когда ветры потрясали в корне древа сии вечнозеленые, когда молнии, рассекая небо и громаы рыкая на вершинах гор, приводили в трепет неустрашимых странников, когда месяц, едва мерцая сквозь тучи свинцовые бледно посребрял крылья их быстротекущие, – часто ловцы зверей и странные витязи видели, как дух Дулебов в виде стол-

ба огненного, грозно носился над вместилищем праха
своего, опершись на облака громовые.

Вечер II

СЛАВЕН

Мрачна душа моя, подобно дню осеннему; мысли мои рассеяны, как легкие струи тумана, ветром развеваемого; хладны чувства мои, как снега, покрывающие берега озера Ильменя, когда белая зима оденет их мразною ризой. Много великих и сильных склонили там главы свои, но где имена их? Процветали грады и веси многолюдные! но где места их существования? Увы! Се ли награда доблести? Се ли утешение в трудах, коими приобретается слава мира сего? – приобретается имя Великого?

Двадесять шестую весну жизни моей встречаю я на каменистом берегу сем, в который ударяются свирепеющие волны моря Варяжского. Дико воет ветер в ущелья кремлистые, – и душа моя не находит мира и радости в обновляющейся природе. С тех пор, как впервые взглянул я на страну подлунную и первый вопль мой ознаменовал участь жизни, до сих минут, сколько пало царей с их престолами!

Сколько областей вольных преклонили главы свои под цепями буйства и насилия! Сколько мужей славных и великих сокрыты в могилах или осуждены не

видать страны отеческой, не дышать воздухом привычным, не зреть солнца над гробами отцов своих! Участь, ужаснейшая смерти!

Обновлю же в мысли моей воспоминания дел отдаленнейших, ратных и великих подвигов предков наших. Заглушу в душе моей именами их имена гордых властелинов сего времени, забывших права правды и человечества.

Приблизьтесь ко мне, юные дщери племени славенского, вы, коим за доблести предков – благое небо красоту и любезность сделало общим наследием. Раздадутся громкие звуки арфы моей, потрясут воздух и превысят звоном свисты ветров, играющих с вершинами дубов и кедров. Приблизьтесь! Я знаю, сколь приятно красоте внимать звучному пению о подвигах ратных.

«Возвратился ты с победой на поля наши! Пали многочисленные враги твои, как стада вранов хищных от рьяного удара орла небесного. Не придут более гордые варяги нарушить спокойствие твоего народа. Надменный владыка их, Радимир, лежит окован цепями плена у ног победителя».

Так пели в восторге радости граждане благодарные, исходя во сретение князю Славену, текущему с победой над варягами. Они смешались с его ратниками, познали в них друзей и кровных, и гласы побе-

доносные пресекали гласы радостные; – и Славен, подобно кедру высокому, коего вершина опалена уже пламенем молнии и лета пожелтели изумрудные ветви, – и Славен, покрытый сединою и ранами дней мужеских, – опершись на дебелое копие свое, – обратив к народу взор веселия, ослабив уста старческие улыбкою мира, повелел быть пиршеству великому под открытым небом, ибо чертоги владыки доброго не вместят в себе детей его – народа, ему подвластного.

Запылала дубы вокруг берегов озера Ильменя; свирепые валы реки Мутной⁴ озлатились от огней пиршествеиных. Воссел Славен и старейшины его. У мог их лежал скованный Радимир, князь берегов варяжских и ужас соседей; вместе с ним вожди его. Юные сподвижники Славеновы, опершись на копья и луки, стояли вокруг в молчании и внимали жадно словам Славена и его советников, ибо в часы битвы кровавой и пиршества дружеского он не изменялся; мудрость вещала устами его.

Взошел месяц на небо лазуревое и осветил пурпур веселия на ланитах старческих Славена и друзей его.

«Хощу, – вещал князь, – хощу – да старейший из вас поведает в песнях мои подвиги. Не лести ищет старец, во бранях поседевший, но боги и мое сердце ве-

⁴ Так назывался в старину Волхов. (Примеч. Нарезного.)

щают мне: я был добр и любил славу моего народа. Да научится же Волхв, сын и наследник мой, что есть благо владетеля и слава народа, – и Радимир, дерзнувший нарушить тишину в стране нашей, да познает, что один стыд и унижение бывают наградой надменному, который дерзнет грозить владыке, любезному своим подданным, грозить князю Российскому».

Вещал:

И мудрый Добромysl восстает в веселии. Он берет серебряный щит, ударяет в него трикраты копьем стальным, – молчание разлилось в долине, звуки песни его расслались по берегу и валам реки Мутной:

«Далеко отсель к востоку солнечному, за кремнистыми подошвами Кавказа-исполина, обитал народ от племени скифского, народ сильный крепостню мышц своих и дружелюбием, господствовавшим в недрах его отчизны между монархом и народом, народом и жрецами.

Долго длилось благоденствие в долинах наших, и древнейшие старцы вещали нам, юным, что шесть колен уже сокрыты в могилах, как оружие скифов было в покое: ибо ужас оногo останавлил всякую дерзость. Но он не мог остановить надменного любочестия и корысти. Гордые властелины мира, потомки братоубийцы Ромула^{4}, всосавшие в себя кровожадность с молоком матерним, возжелали и нас свергнуть в пучину

бедствия, их обуревавшего. Они вторглись в пределы наши с мечом и пламенем, – и в один месяц непрерывной битвы пал повелитель наш, любезный богам и народу; он пал и с ним два старшие сына его, и с ними вместе народ скифский.

Хищники ушли, оставя нас в ужасе и унынии, и сей ужас и уныние до тех пор владели душами нашими, пока, по прошествии тридцати появлений месяца на небе нашем, явился к нам юный Росс, последняя отрасль злополучного нашего обладателя.

„Собери и утешь рассеянные толпы твоего народа, повелевай нами и содейлай счастливыми“, – возопили старейшины, и Росс вещал:

„Народа счастье – в руке богов небожителей; воспросим их и помолимся, да научат меня и вас, как достичь счастья, нами утраченного“.

Появление Россово украсило цветами надежды сердца наши. Слух о его прибытии разнесся во всех концах его владения, и с восходом светила дневного, на третий день, шатер его окружился тысячами избегших от поражения злодейского. Старцы и младенцы, матери и девы юные ожидали исхода Россова.

Среди леса дремучего, осеняемого кипарисами и соснами, была пространная долина, среди коей возвышался священный холм. Вверху его три огромные дуба, сплетшись своими ветвями, составляли седа-

лице божества, обыкшего посещать места сии, склонясь на моления народа. Сюда притек Росс с своим народом вопрошить богов и узнать судьбу свою. Сонм жрецов востек на холм, и старейший из них вещал, воздевши длани свои:

„Ты, повелевающий небом и землю, ветрами небесными и светилами дня и ночи! Склонись на мольбы наши и удостой место сие Твоим присутствием! Росс хочет вопрошить Тебя“.

Мрачная туча показалась на небе противу холма священного.

Жрец продолжал:

„Вопли и стоны чгущего Тебя народа, конечно, достигли слуха Твоего. С высоты горней Ты зрел токи крови мужей и слезы жен и матерей их. Росс хочет спасти их; он хочет вопрошить Тебя“.

Туча спустилась ниже, – и полет ее устремлялся с быстротою ветра.

Жрец вещал:

„Одни мрачные сыны земли питают гордость и неправосудие. Их только сердца спокойно взирают на поражение жертвы несчастья. Но не такова воля богов. Милость и щедрота есть свойство небожителей. Сойди же к нам, великий Повелитель неба, и объяви волю Твою. Росс хочет вопрошить Тебя“.

Он рек, и грозная туча разлеглась на холме; раз-

дался звук грома, и струи молнии расстлались у подошвы.

„Приблизься, Росс!“ – вещал глас с вершины дубов – и Росс с кипением груди и стеснением сердца бодро потек на священный холм – внять слова божества о судьбе своей и своего народа. Он взошел, поверг у корней дубов булаву свою, лук с колчаном, княжескую диадиму, и сам повергся лицом к земле.

Глас вещал:

„Возьми народ твой, жен и детей их и теки в страну иную. Славу твою и благоденствие твоего народа продлю до веков позднейших. Знаменем небесным открою тебе место твоего господствования. Теки по течению звезды северной. Ты обретешь народы дикие и испытаешь сердца оледенелые – укроти и просвети их. Прилежи к обработыванию земли – и научай знанию сему тебе подвластных; се есть верховная воля моя! В священных сновидениях открою тебе таинства сей науки“.

Глас умолк. Росс восстает, и народ его. Туча священная уже сокрылась. Дневной свег озарил их паки, – и Росс зрит у подножия священного холма двух белоснежных тельцов, на выях их висел ярем, держащий стальной плуг со всеми орудиями.

Росс устремился в путь свой, и прежде нежели солнце совершило годичное свое кругообращение,

достигли мы берегов Ильменя, там, где река Мутная вливает в него волны свои. Тут паки услышали мы глас небесный:

„Остановись, Росс! Се предел пути твоего. Землю сию даю в удел тебе и твоему племени!“

Тут нашли мы народ дикий, живущий без законов. Своенравие управляло делами каждого. Звериная ловля и хищничества продолжали жизнь их.

Долго вели мы брани с сим народом; наконец кротость и мудрость Россова победили их, когда оружия не сильны были учинить того. Мало-помалу они усмирялись, преклоняли выи свои под кроткий скипетр Россов и дивились, находя его орудием их счастья. Сперва с изумлением, а после с радостью и веселием взирали они, как мы, раздирая недра земные плугами, ввергали з оные семена; как они возникали, росли, зрели и наконец приносили в воздаяние трудолюбивого плод сторичный. Мир и доверенность водворились; два народа соединились в один, – и по истечении полвека никто не помнил прежнего своего состояния, – скифы, что бы они когда-либо вели брани с своими хозяевами; сии – что бы когда-нибудь могли дикостию и зверством раздражать Росса и богов небожителей. Соседи и народы отдаленные редко дерзали возмущать тишину нашу, ибо видели внутри нас мир и дружелюбие. В противном случае бедствие и

раскаяние были их неминуемым уделом. Наконец все страны, ближние и дальние, пораженные удивлением к добродетелям и доблестям Росса, единодушно и единогласно нарекли его Славеном – и народ его славенами, любимцами славы. Росс, соглашаясь с волею богов, принял имя сие и град свой на берегах Ильменя нарек Славенском.

И в преклонных уже летах своих, дабы теснее соединиться с новым его народом, по кончине первой своей супруги, взял он другую от семейства своих хозяев; и Всемила, плод любви их и краса страны нашей, была виною битвы после полувекового мира.

Радимир, со дней детства обитавший в стране отцов своих, положил славу в кровопролитиях и утехи свои в хищениях. Часто с дружинами своими востекал он на корабли быстроходные, предавался волнам ярящимся, противуборствовал ветрам гневным и опустошал страны прибрежные. Слух имени его ужасал храбрейших, – все трепетали его, кроме Славена и чад его.

Слух о красоте юной отпасли Славеновой, громкая слава о прелестях Всемилы достигли дикого слуха Радимира. Возжелал он иметь ее супругою, но безнадежность успеть в сем привела его в неистовство. В первый раз Радмир оставил насилие и устремился к коварствам.

Собирает он отличнейших из дружины своей и назначает скрытное шествие ко граду Славену. Один месяц и звезды небесные освещали пути его. Наконец прибыл он к пределам града и сокрылся в пещерах, осененных дремучими лесами. Оттуда устремлял он жадные взоры свои к девическому терему Всемилы, — я конечно, богам угодно было покрыть его вечным посрамлением: сего утра с появлением Световида великого возжелала княжна насладиться пением птиц воздушных и благоуханием цветов сельных. С верными своими рабынями и подругами ее девства исходит она из чертогов родительских ко берегам реки Мутной.

Сего ожидал Радимир неукротимый. Подобно зверю хищному, нападающему на жертву робкую, устремился он ко Всемиле, объял ее руками сильными и востек на коня своего, держа бесчувственную в своих объятиях. Пыль поднялась до облак от копыт коней ратных.

Болезненный вопль рабынь Всемилы разнесся по волнам речным и дошел до слуха Волхова, сына Славенова.

Познал он вину сей печали и, подобно вихрю, устремился ко граду. Вострепетал Славен и весь град его об участи княжны прелестной. Мгновенно потекли они во след похитителей и в начале третьей зари утренней настигли буйного.

Брань длилась до полудня. Тогда Радимир, отчаянный смятением своих сопутников, собирает последние усилия и возносит копие к челу Славену, Мгновенно пораженный булавой Волхова – простерся по земле, – и бесчувствие надолго оковало его. Воины преклонили оружие – и нарекли себя рабами пленными».

Добромысл умолк, и сопиршествующие всплескали.

«Чего ожидаешь, Радимир?» – спросил Славен, обрадя к нему слово свое.

«Смерти лютой», – отвечал сей со скрежетом и погрузил во прах главу свою.

«Не познал ты Славена, – вещал старец. – Смерть пленного навлечет на меня гнев богов и нареkanie от потомства.

Ступай с миром в страну свою, – и если, по прошествии дванадесяти полных обращений месяца – услышим мы, что Радимир толико же велик в добродетелях мирных, колико грозен в бранях кровавых, – тогда прииди в мои палаты и требуй Всемилы. Она назначена быть наградой мудрого, а никогда свирепого».

Радимир потек в страну свою. Он оставил и воспретил другим хищничества. Обратил ум свой к познанию мудрости и сердце ко внушениям добродетели. Грады

его отверзлись мирным мореплавателям – и украсились богатством, без пролития крови приобретенным.

Протекло время, Славеном назначенное. Радимир, окружаемый прежде буйными оруженосцами и грабителями неистовыми, – теперь в кругу старейшин, великих двора его по их отличной мудрости и доблестям, прибыл в град Славенов и преклонил колена пред обладателем.

Славен подал ему дружелюбно десницу свою, и – на третий день после пиршества великого Всемила, юная и прекрасная, украсила собою брачное ложе князя варяжского.

Вечер III

РОГДАЙ

Восшел Световид во славе своей над долинами Полянскими. Багряная риза его разостлалась по небу лазуревому, ночной туман пал на лоно земли – и рассеивался в образе мужа грозного, изнемогающего от поражения.

«Близка смерть витязя сильного, – вещал Рогдай, обратясь к Слотану, своему оруженосцу. – Вижу я густой туман, то предвещающий! Конечно, боги посылают мне знамение сие».

Он рек, и дума мрачная покрыла крилами своими взоры его. Буреподобный конь его шел медленными стопами – и грозно ударял копытами в землю твердую.

Слотан не дерзал нарушить молчания своего витязя.

Вдруг от леса со стороны десныя появляется и достигает их гонец земли Русской.

«Витязь! – возопил он, – если любезно тебе отечество и спокойствие князя Владимира, – теки поспешно со мною.

Жестокие печенеги окружили Белград и, пользуясь

далеким отсутствием князя, грозят предать всех погибели, разрушить храмы богов и чертоги Князевы; сокрушить все, не щадя теремов Владимировых, где укрываются триста наперсниц князя веселого».

«Велика ли сила неприязненная?» – вскричал Рогдай – и простер десницу к Слотану. Сей вручил ему копие тяжелое и булаву железную.

«Триста воинов в повелениях грозного Буйслава – хищного подобно тигру ливийскому, неукротимому, подобно буре».

«Веди меня», – вещал Рогдай; обнажил меч свой; повесил по бедре булаву и устремился в путь.

«Витязь! – сказал Слотан в недоумении. – Или не внял ты словам гонца белоградского? Триста воинов ожидают нас».

«Мольбы народа, на помощь коему стремлюсь, испросят мне у небес силы достаточные! Приятно, сладостно вкусить смерть за отечество, – говорили воины Святославы и поражали робких греков, как поражает орел гор Днепровских слабых горлиц».

Вскоре достигли они до стана печенежского. Рогдай вострубил в трубу ратную, – и враги возмутились. Жители града услышали звук сей и познали крепкую грудь российскую. Они устремились на стены градские – зреть прю великую.

Буйслав со своими оруженосцами вышел к нему

во сретение, на коне, питомце пещер Кавказских. Поражающи были взоры его; в них открыта была душа негодующая на дерзость Рогдаеву.

«Чего ищешь ты? – возопил он гласом бурным. – Чего ищешь, витязь незнаемый, в стане нашем? Груба твоя звучит брань свирепую; но она возвещает твою гибель неизбежную! Удались же, древний витязь! С мужами испытанными первых дней Владимировых испытывал я крепость копия своего и оставался непостыженным. Седый витязь!

Ты зришь Буйслава и дружину его!»

Печенег умолк и с равнодушием извлекал великий меч свой.

«Рогдаю ли судили боги слышать гордость сию?» – возревел Рогдай и со всею крепостию мышцы своей поверг в него копье тяжелое.

Раздался треск сокрушенной брони Буйславовой, восколебался он – и мгновенно простерся на сырой земле, подобно утесу скалы дикой, отторженному громом и поверженному в пенящиеся волны свирепеющего от ветров моря.

Быстро Слотан устремляется к оглушенному Буйславу и, связав его вервями шелковыми, прикрепляет к стремени Рогдаеву. Победитель течет ко граду. Тщетно ратники печенежские порываются на него с неистовством. Булава Рогдаева, свистя вокруг главы

его, очищает путь ему и его сподвижнику. Кровь печенежская льется ручьями, – и болезненные вопли их смешиваются с радостными восклицаниями жителей града.

Они, узрев со стены падение Буйслава гордого, исходят с оружием и поражают неприятеля с тылу.

Печенеги, видя такое расстройство рядов своих, отчаялись получить спасение. Едва малая часть от них осталась.

Остановились, возвысили гласы умолительные, прося пощады, и вонзили в червленную землю мечи свои.

Рогдай опустил булаву и отер кровь и пот с лица своего.

«Довольно! – вещал он, – дерзость наказана и не восторжествует более. Теките с полей наших, безрасудные, и возвестите чадам своим, чего могут ждать неприятели на полях Росских».

«Витязь непобедимый! – воскликнули старейшины печенежские, – будь толико же великодушен, колпко неустрашима душа твоя. Возврати нам бездушные останки нашего повелителя, да воздадим ему последнюю почесть по обычаю земли нашей. Ценой злата и серебра искупаем их».

«Никогда, – рек Рогдай, – не отважу жизни своей для серебра и злата; и последнюю каплю ее ценю до-

роже богатств всего света. Единственно отечеству посвящена жизнь витязя земли Русской – для него только проливается кровь его. Возвращаю вам Буйслава, вашего повелителя, – и оставляю себе меч его и броню железную».

Печенеги в знак согласия преклонили главы свои. Слота и совлек с Буйслава броню его и меч великий; вонзил их на копье свое, и тако все потекли к Белграду спасенному.

Жены, дети и старцы исшли им во сретение с веселием; и прелестный сонм любимиц князя Владимира, в одеждах брачных, проводили его в палату пиршества.

Долго после заката солнечного длилось оно; веселие носилось на взорах каждого; каждый воспевал любезность и прелести дев славянских; каждый восхищался, повествуя о подвигах ратных русских вигзей.

Вечер IV

ВЕЛЕСИЛ

Едва Световнд явился на долинах Полянских во всем блеске своего величия, Велесил, один из древних витязей двора Владимирова, друг его на полях кровавых и пиршествах шумных его собеседник, Велесил, коему из всех храбрых владыки Киевского могли противоборствовать Рогдай и Добрыня, мужи непобедимые, – Велесил с Бориполком, своим оруженосцем, стоял у подножия холма высокого, и слезы струились по седой бrade мужа великого.

На вершине холма того стоял кипарис возвышенный; на ветвях его висели доспехи ратные, булава и меч великий.

С другой стороны низменный древесный крест, к дерну склонившийся.

Мрачный витязь длил безмолвие свое. Наконец, он поднимает тяжкую десницу свою, опускает ее со стремлением на широкую грудь – глухой стон раздался вокруг холма; Велесил вещал, указывая перстом на крест могильный:

«Тамо, Бориполк, там под полуистлевшим крестом сим сокрыто все, что было в мире сем прекрасней-

шего и драгоценнейшего для моего сердца. И любовь моя, безмерная, беспредельная любовь дней пылкой юности, повергла несчастную в обитель вечного мрака. Боже! Обладатель земли! Кто воззовет ее оттоле?»

Умолк; горестная тишина носилась по челу его. Се есть печать тоски неумолимой.

Бориполк воспрнял речь:

«Десятое лето служу я тебе, витязь непобедимый! Бывал с тобою в среде битв кровопролитных и при столах князя Владимира с красотами теремов его. Везде видел я горесть и уныние, царствовавшие во взорах твоих, – и до сей минуты не познаю вины истинной. Если благо твое сокрыто в недре земли мрачной, се предел, коего преторгпуть не может ниже сила витязей величайших».

«Не может – ниже власть целой вселенной», – возопил Велесил – и болезненно склонился к подножию холма на дерне зеленом.

«Воссядь, – вещал он оруженосцу, – и познай вину вечной тоски моей».

Бориполк последовал его велению, и Велесил продолжал:

«С седьмого-на-десять года жизни моей начал я следовать Владимиру, юнейшему сыну его родителя. Всем сердцем и душою возлюбил я моего повелите-

ля и поклялся богами всемогущими – до конца жизни моей не покидать его ни в битвах, ни в веселиях.

Святослава не стало! Междоусобные брани возгорелись.

Ярополк лестию и коварством любимца сразил брата своего, Олега^{5}, – и новгородский владыка, Владимир, любитель браней и веселия, восшумел оружием в терему красот Севера^{6}; он подвигся – Ярополк пал!^{7} – взшел Владимир на трон полуночи^{8}, – и я при дворе его явился в числе первых его витязей.

Недолго длилось общее спокойствие. Сын Святославов любил подвиги ратные, – греки нарушили условие, заключенное с бранноносным его родителем, – и мы с грозным ополчением двинулись наказывать вероломных.

Подобно туче, носящей в недрах своих грома ревущие, протекали силы наши чрез области греческие; подобно молнии небесной, меч Владимиров поражал неустрашимейших.

Не было препоны нашему шествию.

На берегу светлого Иллиса обитали пастыри дружелюбные. Глава их вышел к нам во сретение и предложил дары сельские.

„Не разоряй жилищ наших, князь непобедимый! –

сказал он Владимиру, простершись во прах ног его. – Мы не имеем оружия, не знаем битв поражающих. Если нужно тебе успокоение, – хижины наши отверзты; плоды древесные и млеко стад наших утолят жажду и алчбу твою“.

Князь склонился на слова старца, и ни один пастырь не пролил слезы горестной.

Но – что значит великость смертного в мире сем! Что значит его мужество, его терпение, его умеренность, все добродетели души его! Не есть ли они один призрак, вскоре исчезающий? одно мечтание, мгновенно проходящее! один лживый блеск, который обольщает неопытного странника во время ночи? Владимир, великий во бранях и мужественный в горестях жизни, Владимир обратил страстные взоры свои на Софию, юную дочь старца гостеприимного.

Прекрасна была она, подобно цветку нежному, едва возникшему. Пленительны были взоры ее, и возвышенная грудь обещала эдем небесный счастливому смертному, который возбудит в ней о себе вздохи. Любовь, подобно быстрому стремлению стрелы, пущенной рукою витязя сильного, любовь пронзила сердце мое. Я устыдился сам себя, но тщетны были мои усилия; и Велесил, не находивший себе равного в пределах мира, Велесил готов был пасть пред робкою, кроткою девицею и повергнуть сильное оружие свое

у ног ее.

Владимир, выведя меня из селения на берега реки серебристой, вещал дружелюбно:

„Велесил! знаю крепость руки твоей и твою любовь к своему другу и повелителю. Ты щит мой в часы битв и лучший цвет моего пиршества. Я теку на брань и побежду; хочу, да по прибытии моем в Киев, когда сердца народные упоеваться будут радостию, – хочу, да первый, кто поздравит меня с победой, – будет престная София. Исполни просьбу друга и непременною волю повелителя“.

Он обратился к воинству и потек в дальний путь свой.

Я, под предлогом болезни, остался в хижине моего хозяина, дабы вскоре повергнуть его в гроб похищением дщери, единственной отрады скорбной старости его.

На третий день, с появлением зари румяной, Блистар, оруженосец мой, оседлал мне коня ратного и препоясал меч булатный. Я воссел, – и юная София с отцом своим возжелала провести меня до берегов Иллиса, дабы там собрать себе цветов сельных. Несчастливая! она не знала, что сие было собственное мое желание. Мы достигли берега.

„Прости, витязь благородный земли Русской“, – сказала София с кроткою слезой на глазах.

„Прости, прелестная!“ – отвечал я и простер к ней руки свои.

Она подошла. Я склонился, обнял ее моими мышцами, посадил на коня и мгновенно, с быстротой вихря устремился вдоль берега. София без чувств пала ко мне в объятия – и смертная бледность покрыла ланиты ее.

Блистар долго слышал стоны и рыдания несчастного старца, отца ее.

Не буду описывать тебе тех воплей горестных, которые простирала София к небесам, умоляя их лишить ее жизни или поразить похитителя.

Многие соотчичи, слыша жалобы ее горькие, испытывали исхитить ее из рук моих силою оружия; но – боже великий! кто в свете мог произвести сие? Кто мог победить Велесила, когда София, объятая его рукою, сидела у груди его!

Мы прошли страны Греции, Сербии, Молдавии и вступили в пределы земли Славенской.

„Всякое чувство прременно в человеке: радость, – мыслил я, превращается в равнодушие; печаль утоляется надеждою; все прременно, все временно!“ – Я обманулся: горесть Софии была неизменяема.

„София! – сказал я, – воззри. И в стране нашей блистает солнце красное и светит месяц серебряный, благоухают цветы прелестные и птицы поют песни на

ветвях зеленых“.

„Куда ты везешь меня, витязь?“ – спросила она.

„В терем князя Владимира“, – отвечал я со вздохом тяжким. Сквозь стальной панцирь видно было волнение груди моей и трепет сердца.

„О чем вздохнул ты, витязь?“

„София!“ – отвечал я, и голос мой подобен был реву отчаянного. Я схватил ее сильными руками, обратился к себе, – и пламенный поцелуй запечатлелся на губах Софии.

Долго хранили мы молчание. Наконец она вещала мне:

„Я равнодушна! Владимир ли князь Киевский, или Велесил, витязь и друг его, – ни того, ни другого не будет любить сердце мое“.

„Почему, София?“

„Поклонники идолов бездушных презренны в душе моей! Кровожадные убийцы не найдут места в сердце моем“.

Таковые слова ее пременили мысли мои. Я забыл долг свой, свою обязанность; забыл Владимира и признание его.

Одна мысль – обладать Софией – была сильнее всякой другой мысли, и я утвердился на ней.

Видишь ли, Бориполк, два великие дуба сии? Тут сидел я единожды и под тенью их ожидал, пока рас-

каленное небо охладится. София сидела подле меня, в унынии. Я встал, взял ее в свои объятия, поднес к пещере сей и сказал, опуская на землю:

„Ты будешь моя, София!“

„Никогда“, – отвечала она.

Я послал Блистара в ближайший город привезти мне нужнейших украшений для сей пещеры. Скоро сделал ее удобною для жизни и оставил в ней Софию одну с Блистаром и ее безмерною горестию.

Расставаясь с нею, я сказал ей:

„Иду на поля кровавые, под знамена Владимира. Образ твой, София, будет напечатлен в душе моей. С каждым появлением весны юной ты будешь видеть меня у ног своих.“

Надеюсь, время и любовь моя склонят тебя к соответствованию“.

„Никогда!“ – отвечала она.

И я с ядовитою горестию в сердце моем, с растерзанною душою устремился к своему повелителю. Он принял меня с распростертыми объятиями, и первое слово его было: утешилась ли София?

„Она там теперь“, – отвечал я, указывая на небо.

И слезы сожаления пали на ланиту Владимира.

Звук брани, разнообразие мест, нами протекаемых, ослабили в Владимире чувство любви, и он скоро успокоился о потере. Но не таково былое другом его

Велесилом. Пламень клубился в груди моей и пожирал мою внутренность. Образ слезящей Софии, прелестный, обольстительный образ ее носился беспрерывно пред моими глазами и во всяком изменении был драгоценен душе моей. С каждым новым днем я становился страстнее и – злополучнее. Часто покушался я оставить войско и Владимира – уклониться в уединение, испросить у христианского отшельника благословения и погрузиться в воду очистительную.

„Тогда-то, – мечтал я, – тогда-то буду благополучен!

Один в своем уединении, один с своею Софиею, найду я блаженство небожителей“.

Но в то же время грозная мысль изменить другу и богам отцов своих потрясала душу мою, и я оставался в прежнем положении. Подобно тигру упивался я кровью греков; свирепствовал – и был час от часу злополучнее.

Битвы кончились. Отягченные добычами и покрытые славою, возвратились мы на родину, – и я устремился к Софии. Бледно было лицо ее, и пасмурны ее взоры.

„Чудовище! – были первые слова ее. – Обагранный кровью, облитый слезами, покрытый проклятием моих соотчичей, – ты дерзаешь предстать глазам моим!“

„Удостой меня любви своей, София, и нсо изменится“, – отвечал я, простершись пред нею.

„Никогда!“ – сказала она и отвратила взоры свои.

Так прошли лета многие. Я обращался в битвах, и отчаяние, водившее мою рукою, делало всегда меня победителем. Я погружался в веселиях, – и самый Владимир удивлялся неумеренности моей и благодетельным дарам небес, оградивших меня неизменною крепостию. Все испытал я, дабы погасить пламень, поедающий мою внутренность, – и опыты мои были тщетны. Час от часу я делался злополучнее и недовольнее своим существованием; всякую весну навещал я непреклонную гречанку и всякий раз находил ее бледнее, мрачнее и – непреклоннее. Подобно догорающей былинке, едва-едва мерцала жизнь в полугасших взорах ее.

Часто, сидя в мрачном безмолвии подле Софии и видя, сколь горестна и плачевна жизнь ее и вместе сколь еще горестнее, сколь плачевнее собственная участь моя, – часто со стремлением извлекал я меч, дабы вонзить его в грудь свирепой и тем мгновенно окончить ее и свои мучения; но всякий раз невидимая сила останавливала буйную руку мою, и меч опускался, – и я удалялся, проклиная свое пришествие. Тако, Бориполк, так прошли многие годы.

Седины означили приближение времени преклонного: морщины открыли мне протекшие печали мои; но чувство любви оставалось в прежнем кипении.

Небесных и преисподних богов умолял я истребить его, но мольбы мои оставались тщетными.

Кому не известно шествие Владимира на греков, когда он, после многих битв жестоких, дал им мир – от них принял крест и Анну, прекрасную сестру Кесарей?^{9}

С чувством неизъяснимого восторга погрузился я в купель священную, и, казалось, грозное бремя, меня тяготившее, пало с рамен моих.

С быстротой ветра устремился я к Софии; не знал отдохновения в пути моем; в зное полуденного солнца и во мраке глубокой ночи летел я на крылах любви и в тридесятый день увидел издали обиталище Софии.

Кто изобразит чувства души моей? Я оставляю коня, врываюсь в пещеру, и все громаы великого миродержателя, раздробясь над моею главою, не могли бы столько поразить меня.

На возвышенном одре лежала София, бледная, подобно месяцу в осень глубокую. Закрыты были уста ее и взоры.

Цветный венец лежал на главе страдальицы, и малый крест в руках ее. Вокруг одра стояли возженные светильники. Седый Блпстар сидел у ног ее, и горькие слезы старца лились по щекам его.

„Ее нет уже, витязь!“ – сказал он, обратясь ко мне, – и я пал, подобно дубу высокому, громом пораженно-

му.

С появлением третьего дня открыл я впервые взоры свои.

Мертвая тишина господствовала в душе моей. Я не мог произнести ни одного вздоха, ни одного слова. Все, всякое чувство во мне было сковано цепями неразрывными. Одно слабое движение показывало, что я еще не труп бездушный.

Исполняя последнюю волю несчастной, изрыл Блистар могилу подле сих дубов ветвистых. Тут предали мы земле прекраснейшее создание природы. Мы насыпали холм возвышенный, и я водрузил крест древесный.

Оставя Блистара хранить священное место это, обратился я ко двору Владимира, дабы по крайней мере сохранить мою клятву, ему данную, клятву не оставлять друга до гроба.

Подобно скитающейся тени отверженного небом грешника, блуждал я по граду Киеву. Видел богатство и великолепие, видел пиршества и веселие, но ничто уже в мире не могло занять пустоты души моей. Тако правосудие горней власти грозно отмщает старцу за преступление юноши.

Протекли десять тягостных годов, – и Владимира – друга моего – не стало! Я отдал последний долг мужу великому и обратился к моей пещере, моему святи-

лицу. Один ты, Бориполк, восхотел следовать витязю в его уединение.

Тут, на дубах сих, повесил я меч мой и копье великое; щит и колчан со стрелами быстрыми.

По кончине Блистара, ты один остался мне от всего мира пространного.

Тут – с вершины холма сего, у ног моей Софии, смотрю я иногда, как солнце выходит из-за лесов дремучих во всем блеске красоты своей.

„Таково было появление мое в мире сем“, – думал я, и священное безмолвие природы усугубляло восторг мой.

Иногда вижу я, как грозные тучи, собравшись вместе, закрывают солнце от взоров мира и покрывают природу горестным мраком. Вижу, как молнии, раздирая недра небесные, вьются по тверди подобно змеям зияющим: они летят, обрушиваются на кедры великие – раздается рев и треск, и растерзанное дерево падает в корне своем. Тогда с стесненным сердцем падаю я на могилу Софии, обнимаю землю хладную и восклицаю к бунтующей природе: не се ли образ дней моих – во время старости?»

Умолк Велесил и с болезненным стенанием пал у холма.

Бориполк преклонил колена, поднял седую голову витязя и сказал, указывая на полуденное солнце:

«Видишь ли, Велесил, сколь блистательно теперь шествие светила великого? Еще немного часов, и – оно закатится; природа во мрак облачится, и мощные привидения рассыплются на верхах гор и дерев высоких».

Вечер V

ГРОМОВОЙ

Владимир, сын Святославов, воссел на престоле единоначалия. Мятежи прекратились, спокойствие разлилось по челу России от пределов Севера к Югу и Западу. Утомленные мечи в ножнах покоились, вопли и стоны прекратились, – везде тишина благословенная.

В сие время мира всеобщего Добрыня, витязь, друг и дядя Владимира, господствовал в великом Новеграде. Душа его не привыкла к покою, и сердце трепетало радостно при звуках ратных. «Громобой! – вещал он своему оруженосцу, – седлай моего коня бранного, готовь меч крепкий и копье булатное; мы идем странствовать. Спокойствие в России воцарилось. Тишина господствует в палатах витязей и хижинах хлебопашцев. Но есть страны иные, есть люди не русские, есть области целые, где невинность угнетается, где доблесть не получает награды должной, где великие – исполнены лжи и жестокости, и князья – на тронах бездействуют; где льются слезы кровавые и болезненные стоны к небу взлетают! Седлай коня моего бранного и готовь оружие крепкое. Идем наказать

власть жестокосердную и защитить невинность угнетенную!»

На утрое другого дня, – с появлением Зимцерлы румяной на светлом небе, – потек Добрыня путем своим. За ним следовал в мрачном молчании юный оруженосец его, Громобой, коему едва исполнилось тридцатое лето⁵. Волнистый туман плавал на траве злачной, и громкое пение птиц, вьющихся в просторном небе, казалось, приветствовало витязя в благонамеренном пути его. Много дней длилось их шествие; а доколе протекали они пределы земли Русской, мечи и копья их были в покое. Везде радость встречала их, везде провождали их рукоплескания. Наконец, к исходу двадцатого дня, при закате солнечном, приблизились они к рубежам России. Тут остановился витязь со своим оруженосцем, дабы дать отдых коням своим и решиться, в которую страну первее вступят они – в Косожскую или Печенежскую. Им предлежали границы обоих княжеств.

При входе в лес дремучий, на долине, усыпанной цветами благоухающими, при пенящемся источнике, воссели витязь и спутник его. Закатывающееся солнце златило края неба и доспехи странников. Веселием сияло лицо Добрыми; он снял тяжелый шлем свой

⁵ В то время мужчина в 30 лет почитался еще юношей. (Примеч. На-режного.)

и повесил на дубе.

«Громобой! – вещал он, – как прекрасно солнце при безмятежном склонении своем в волны морские! Таково уклонение в могилу витязя великого, когда жизнь его была подобна солнцу в возвышенном его шествии; когда любил он добродетель и жертвовал ей жизнию; когда награждал он доблесть, будучи чужд самолюбия».

Спокойствие разлилось на лице его, и сладкая задумчивость носилась в его взорах, подобно прибрежному цветку, коего образ представляют в себе кроткие волны.

«Куда отправишь отсель шествие твое, витязь?» – спросил Громобой.

«В землю Косожскую», – Добрыня отвечивал.

Взор юноши покрылся мраком, и быстрое трепетание груди его возвещало бурю душевную.

«Оставим страну сию», – сказал он в смятении, и вид его был робок и преклонен.

«Что значит это волнение души твоей, юноша? – вещал Добрыня. – Что значит брань, кипящая в крови твоей? – ибо я примечаю ее и хочу знать вину истинную».

«Воля витязя для меня священна, – отвечал оруженосец. – И сколь ни жестоко уязвлю я сердце мое воспоминанием прошедших горестей, но ты познаешь

вину тоски моей; и если когда-либо был ты неравнодушен к силе прелестнейшего в мире сем, то ты простишь унынию, царствующему в душе моей!»

Кроткое осклабление разлилось по лицу витязя. Дружелюбно простер он руку к оруженосцу и вещал:

«Юноша! Я познаю болезнь твою: не любовь ли называется она? Но не тревожься. Это есть язва, общая всем, живущим под солнцем; но она благодарение богам небесным – она несмертельна. Громы оружия заглушают вздохи, и блеск мечей затмевает ядовитый взор предмета любимого. Успокойся, Громобой. Болезнь твоя пройдет, как проходит всякое мечтание, горестное ли оно или приятное. Се воля богов! Было время, – не стыдясь возведу тебе, – было время, когда и Добрыня, подобно рабу, ничтожному сыну Греции, носил оковы сей лютой страсти.

Вместо того, чтобы согласно великому назначению витязя и сродника княжего быть мне непрерывно в битвах и трудах достойных моего имени, – я праздно покоился в объятиях красот Севера и забывал все, даже стремление прославить имя свое. Ничтожность одна была в уме моем и сердце.

В один раз, нашед красоту суровую, скитался я в отчаянии по полям и дебрям с подобными мне безумцами. Ветр разносил вздохи мои, и один месяц был свидетелем моего неистовства. И от того-то друзья мои

и товарищи, болезнью о несчастном, составили язвительную песнь, будто Добрыня, чародейственно своей обладательницею, прелестною гречанкою, немилосердно превращен будучи в тура рогатого, скитается по полям и вертепам. Вскоре все киевляне воспели песнь сию, и я в моей пустыне услышал ее, устыдился своего безумия, возвратился к должности – и с тех пор позволяю себе наслаждаться веселием, доколе оно не опасно для свободы духа моего.

Не могу тебе советовать идти верно по следам моим, ибо ты юн еще и неопытен; но поверь Добрыне, все пройдет, и воспоминание о страсти сей в лета мужества покроет румянцем стыда ланиты твои. То, что дано нам для увеселения, не должно быть страстию; иначе мы противимся назначению богов и достойно наказуемся».

«Разумны слова твои, витязь; но ты иначе судить будешь, когда познаешь всю сокровенность души моей», – сказал Громобой.

«Хочу знать ее», – рек Добрыня, и Громобой начал: «Я сын Любомира, вельможи двора Слотанова, князя Древлянского. Младенец был я, когда свирепые печенеги обложили престольный град с великою силою ратною.

Князь Слотан и с ним родитель мой с избраннейшими из воинов пали на поле брани, защищая сте-

ны отечественного града, который вскоре наполнился пламенем и врагами кровожадными. Устрашенные обитатели с воплем устремились в бегство, и с ними вместе увлечен был я в леса, Искорост ⁶ окружающие.

Там, среди пастырей протекла первая юность моя. Наступило двадцатое лето жизни моей – и неизвестная тоска, стеснив грудь мою, давила сердце. Ясно чувствовал я, что не к мирной жизни пастырей судьбы богов меня назначили.

Дабы сколько-нибудь дать отраду мятущемуся духу моему, я, вооружась булавою, ходил в непроницаемые места лесные, сражался с волками и медведями – и утешался, оставаясь победителем; и так проведя пять лет, оставил я жилища пастырей, и покровенный кожею зверя, мною сраженного, вооруженный одною булавою, устремился я в путь – совершать судьбу свою.

Ее велением, блуждая чрез страны и области, я нашел себя в пределах князя Косожского. Я устремился к двору его, отличил себя на единоборствиях, – и назначен князем в его оруженосцы, доколе подвиги мои дадут мне право искать достоинства богатырского.

Двор наполнен был славными витязями и князьями стран отдаленнейших. Они стеклись ратовать за княжну Миловзору, единородную дочь обладателя.

⁶ Столица древлян. (Примеч. Нарезного.)

Долго искали они руки ее и сердца, но, видя непреклонность и равнодушие княжны прекрасной, начали искать одной руки ее.

Князь предоставил выбор изволению свой дочери; и князья и витязи – одни удалялись в отчаянии, другие являлись с надеждой; но одинаковая участь ожидала их; и двор княжеский бывал или торжищем многолюдным, или пустынею дремучею.

Наконец, в великое празднество Лады, богини любви и веселия, я впервые узрел ее.

О витязь! И каменная грудь размягчилась бы, и стальное сердце забилося бы новою жизнью от взора ее!

Седьмая-на-десять весна жизни ее наступила. Подобно звезде утренней, взор ее был быстр и блистателен; подобно полной розе, цвели ее ланиты; и каждое ее движение, каждое колебание груди прелестной упоевало меня отравой.

Я вышел из храма отчаянным и впервые возроптал на богов, почто не витязь я, почто не сын обладателя великого.

Уклоняясь под тень вязов и тополов, устремлял я жадные взоры мои к девическому терему Миловзоры. Подобно истукану бесчувственному, провожал я дни от явления зари небесной до глубокой ночи; и так протекла весна на долинах Косожских.

Настали дни знойные, пылающее небо изливало утомление на всю природу, но грудь моя дышала огнями жесточайшими, и приметно иссушила корни жизни моей. Много раз видал я княжну прелестную, и каждый раз становилась жизнь моя мучительнее.

В один день, – о! когда забудешь его, душа моя? – в один день, когда я в безмолвии лежал на берегу источника и помышлял о будущей судьбе моей, решительность наполнила меня крепостью.

Доколе, вскричал я, буду томиться в бездействии? и для того ли оставил я мирную жизнь пастырей, дабы здесь погрязнуть в унижении и истаять в убивающей меня праздности? Я должен прежде совершить подвиги великие, должен прославить имя свое в битвах и тогда – помышлять о радостях мира сего!

Восстаю и зрю пред собою престарелого Витбара, чашника княжеского.

„Куда устремился, Громобой?“ – сказал он мне с приветливостью.

„Искать подвигов, достойных мужа! – отвечал я. – Бездействие погубит меня“.

„Мне нужно с тобой беседовать, – вещал он, – и сей ночью, когда звезда вечерняя взойдет над сими топами, я надеюсь здесь найти тебя. С начала утра ты можешь располагать собою“.

„Я исполню твое желание“, – сказал я, и он уда-

лился; но смутное предчувствие воспламеняло кровь мою. Я ждал его с трепетом.

Воссияла звезда на небе лазуревом; природа в сладкой дремоте покоилась; не колебались листья на деревьях зеленых; и фиалка, кроткая красота ночи, подняв прекрасные листки свои, разливала благоухание. Одна душа моя подобилась небу, раздираемому ветрами во время бури; мысли мои колебались подобно волнам моря Варяжского, когда буйные чада грозного Посвиста⁷ свирепствуют на челе его.

И вот престарелый Витбар явился, и с ним – совокупный блеск тысячи солнц не поразит так слепорожденного, коему благие небеса мгновенно откроют взоры, – и купно с ним – Миловзора!

„Громобой“, – сказала она и простерла ко мне руку свою!

Толико кроток, толико животворящ был глас Перуна, бога державного, по коему первобытная нестройность стихий пришла в порядок. Таково было движение десницы его, и погруженные на дно бездны светила дня и ночи возникли и засияли на тверди небесной.

„Что повелишь, прекрасная княжна Косожская?“ – ответствовал я с трепетом.

„Чувствуешь ли величие в духе твоём и крепость в мышцах твоих?“

⁷ Бог ветров у древних славян. (Примеч. Нарезного.)

„Вели – и я устремлюсь противу целых полчищ!“

„Сочувствие. – вещала она, – сей дар, влиянный небом нашему полу, дал познать мне вину тоски твоей. Ободришь!“

Заутра искатели руки моей будут утверждать право свое силою оружия. Соединись с ними. Витбар вручит тебе доспехи богатырские. Облекись в них и, опустя наличник шлема твоего, сразись с ненавистными искателями. Если боги даруют тебе победу, тогда предстань моему родителю. Твоя храбрость и мольбы мои убедят его“.

Она удалилась. Витбар поведал мне, как Светодар, князь Косожский, склонясь на мольбы своей дщери, объявил, что одна храбрость и победа над прочими даруют Миловзору ее искателю.

Я вооружился и, возлегши у дуба великого, ожидал восхода солнечного за три выстрела из лука от стен города.

Восшел Световид на небо голубое, и обрадованная природа воспела благодарные песни своему воскресителю.

Я преклонил колена и сотворил молитву.

Неизвестная мне дотоле бодрость и надежда разлились в груди моей. Я сел на коня ратного, взял копье тяжелое, меч булатный, булаву крепкую – и медленным ходом обратился к городу.

Вскоре звук трубы бранной раздался в пространствах воздушных, – и я быстрее стрелы устремился.

Уже влюбленные князя и витязи собрались на площадь пространную. Уже готовы были они метать жребий, но, узрев меня, остановились. Взорами вопрошали они друг друга: кто сей витязь неизвестный?

„Кто ты, витязь?“ – обратился ко мне Буривой, князь печенегов.

„Соперник твой в любви и оружии!“ – отвечал я.

Вскоре явился князь Косожский и с ними Миловзора.

Судьбы управили жребием, и я первый стал на месте битвы кровавой и поднял копие свое.

Подобно ветру быстрому устремился ко мне повелитель мерян и Белаозера; я пустил копье, раздался звук раздробленной брони его, – восколебался он, пал, подобно юному кедру, в корне сраженному, и смертные тени окружили его.

Участь сию испытали князя Полотский и Чехский, и многие из витязей стран отдаленнейших.

Подобно туче, готовой родить громы и молнии, мрачен, как глубокая ночь осенняя, тихими шагами потек ко мне Буривой, владыка свирепых печенегов.

Как два вихря противные, текущие сразить один другого, роют землю и исторгают древа великие на пути своем, наконец встретясь, борются и, уничтожа

друг друга равную силою, исчезают; пыль подьёмлет-ся к облакам, и тишина наступает – так сразились мы с Буривоем. С первых ударов копья паши сокруши-лись, и кони пали на землю. Я схватил меч тяжелый и поразил в грудь врага жестокого; полилася черная кровь его по брони; по меж тем, подобно удару гро-ма, булава его обрушилась над головой моей, расторг-лись ремни крепкие, рассыпалась сталь блестящая, и шлем мой, сокрушенный на части, пал на землю.

С яростным ревом поднял я булаву свою, но Бури-вой уклонился.

„Остановись! – вскричал он, опуствя на землю була-ву свою. – Оружие князя Печенежского не будет пора-жать оруженосца на едипоборствин“.

„Дерзновенный! – вещал ко мне князь Косожский. – Толпко ль твое простерто ослепление! Ты не усомнил-ся сразиться с князьями и витязями; ты – оруженосец – за княжну Косожскую, дщерь мою единственную! Прощаю безрассудной юности твоей. Спешу оставить страны наши и воспрети себе когда-либо касаться мо-их пределов“.

Он удалился. Все уклонились во двор его.

Долго стоял я в бесчувствии. Казалось, земля подо мною разверзлась; я устремился погрязнуть в бездну, но небе было ясно, безоблачно; земля цвела в траве злачной, цветами испещренной.

Косными шагами уклонился я из града, в коем царствовали свирепость и жестокосердие. Подобно скитающемуся привидению блуждал я по степям и дбрям; день и ночь слились для меня воедино; я проходил горы кремнистые, долины песчаные; переплывал реки быстрые, и душа моя не чувствовала бытия своего.

Так провел я осень мрачную и зиму жестокою, пока не настиг тебя, витязь, как, сражаясь с лютым исполином, лишился ты своего оруженосца. Ты принял меня с кротостью, – я никогда тебя не оставлю!»

Умолк Громобой. Долго Добрыня хранил безмолвие. Дума тяжелая носилась по челу его. Наконец, обратясь к нему с кроткою улыбкою, вещал:

«Боги наказали тебя за твое неверие. Ты ли, быв при мне столько времени, не познал меня: не познал, что первое движение моего сердца есть – наградить доблесть истинную и первое движение руки – наказать гордость неразумную. Давно бы прошло твое уныние, когда бы имел доверенность к твоему витязю. Я протекал грады и веси, страны и области, ища невинных страждущих; ты был при мне – и молчал. Может быть, ты лишал меня лучшего утешения в жизни, лишая случая столько времени исполнить должность мою. Устремимся ко двору великодушнейшего моего князя Владимира. Он обратит на тебя взоры

свои, и клянусь моим именем, ты первый будешь, кого он при появлении нашем опояшет мечем витязя и возложит на грудь гривну княжескую!»

Вечер VI

Между тем как Добрыня и друг его Громобой шли путем своим в престольный град Владимиров, – Буривои, князь грозных печенегов, и Бориполк, повелитель кривичей, блуждали окрест терема прелестной княжны косожской, и черная горесть теснила буйные сердца их, и мысли их были пасмурны подобно облакам, носившимся в ночь ту по небу косожскому.

«Долго ли, – возопил Буривои, и взоры его подобно молнии засверкали во мраке ночи, – долго ли мы, князья и витязи, будем блуждать в стране чуждой, не иметь мира в душах наших и в сердцах покоя?»

«Мы соделались стыдом своих народов», – ответил Бориполк.

«И будто бы наказанные великим Чернобогом⁸ лишением рассудка, стремимся за привидением, всегда от нас уклоняющимся; пятое лето тлеем мы в бездействии – ни один подвиг не ознаменовал нашего существования!»

Забудем же безрассудного Светодара, князя земли сей.

Забудем свирепую княжну и презренную любовь

⁸ Бог, мститель порочных, у древних славян. (*Примеч. Нарезного.*)

ее, и вкупе, союзными силами ратными возгремим оружием, низвергнем престарелого повелителя, и непреклонная дочь его да будет наградою – кому судьба богов бессмертных вручит ее по жребию!»

Тут князья, в знак согласия их намерений, в безмолвии подали друг другу руки и удалились в шатры свои. Возникающее солнце утреннее озарило их в пути отдаленном.

Подобно вихрям на степях, прибрежных морю Хвалынскому⁹, крутились они во страны свои, дабы, собрав рать сильную, исполнить уговор свой.

Светодар возвестил Миловзоре о их отшествии, и с давнего времени прелестная впервые улыбнулась.

Прошло лето знойное и осень суровая. Засвистали ветры лютые – и снега покрыли землю Косожскую.

Печально лицо земли во время зимы свирепой. Окованная природа в каждом дыхании ветра сетует о своем обнажении. Мрачные облака, отягченные снегами и бурями, каждое мгновение грозят ниспасть на лоно земли и погребсти все земнородное. Тщетно солнце стремится расторгнуть воздушную рать эту; оно уступает и от стыда покрывается мраком. Но – среди сих непогод и ужасов, кто покоен в духе и мирен сам с собою, у того радость прозябает во взорах, и улыбка цветет на устах невинных. Таково было с пре-

⁹ Древнее имя Каспийского моря.

лестною княжною косожскою.

В сообществе подруг детства своего сидела она в безмолвном терему своем, и родитель часто присутствовал при невинных их забавах. Тогда Миловзора, при радостном звуке цевниц и бубнов, подобно легкокрылому Погоде¹⁰, носилась плавно по помосту терема, и каждым движением, каждым взором увлекала за собою всех взоры и движения.

Или возвысив светлый, звонкий глас свой, воспевала она прелести весны благословенной, когда она магием очей своих сгонит с рамен земли льдистые оковы и повелит цветам возникнуть, деревьям опуститься в одежду зеленую и птицам воздушным воспеть торжество ее пришествия.

Тогда мнилось всем, что они внемлют сладкому пению певцов небесных и на горах снега видят алую розу и белоснежную лилию.

Так прошла зима на землях косожских, и прелестный цветень¹¹ возвратился. Благоухание разлилось в долинах; по верх гор повеяли ветры кроткие.

Среди таковых невинных увеселений двора косожского, в единый день, когда Световид совершил половинное шествие свое, узрели из чертогов княжеских пыль высокую с двух сторон столицы. Вскоре засвер-

¹⁰ Зефир славенский.

¹¹ Так назывался апрель месяц. (*Примечания Нарезного.*)

кали вдали копья булатные, а стальные шлемы разливали огненное сияние. Два сильные воинства представились, и вскоре белые шатры воздвиглись на холмах в виду обитателей.

Шум и – смятенный гул раздался по двору княжескому – и вскоре по всем сгогпам града великого.

«Что значит пришествие рати иноплеменной?» – восклицали граждане, и беспокойство непогод военных раскинуло мрачные крыла свои поверх чертогов княжеских и хижин землепашцев, поверх селения многолюдного и храмов богов отечественных.

Престарелый Светодар призывает к себе Витбара и вещает ему:

«Иди в стан пришельцев иноплеменных, и знамя мира да возвестит в тебе вестника дружелюбия. Чего хотят от меня вожди с их воинством?»

Витбар пошел и в середине стана совокупных сил вражеских, под шатром златогканным, познал Буривою с Бориполком.

«Чего ищете вы в стране нашей с силою ратною? – спросил он. – Чертоги Светодара всегда были для вас отверзты; столы его отягчались яствами избранными и питьем сладким при вашем присутствии. Чего же ищете вы с воинствами и что возведу о прибытии вашем повелителю?»

«Иди, Витбар! – рек Буривой, – возвести престаре-

лому Светодару, что гордость его неужодна нам более, и непреклонность дщери его противна велениям небес и будет наказана. Возвести ему, что мир и война в десницах наших.

Если спокойствие дома и народа любезно сердцу Князеву, единое средство осталось продлить его, и средство сие есть: да изыдет он в стан наш с дружиною малолюдной, лишив себя всякого оружия; да изведет с собою горделивую дщерь свою, княжну Милловзору. Я и Бориполк кинем жребий, и тогда счастливый обладатель ее обнимет в Светодаре родителя высокого, – несчастный соперник в молчании отыдет во страны свои. Се воля наша непременно! Иначе – меч и огонь, гибели опустошение вторгнутся в стены града вашего, и всеобщее разрушение накажет и повелителя высокомерного и народ, ему повиновавшийся!»

В горестном безмолвии прибыл Витбар в чертоги князезы и робкими устами поведал изволение пришельцев ратных.

Яростью воспылали взоры Светодара, и уста его покрылись бледностью гнева и негодования.

«Ослабела сила в мышцах моих, – рек он с грозою сильною, – но дух мой цветет еще пламенем юности. Любовь народа и милость богов защитят права невинного. Не допущу врага похитить силою то, что

могу только дарить другу любезному. Война кровавая, брань и поражение!»

Кончина дня и ночь целая прошли в приготовлениях к битве. Везде слышны были звуки мечей и щитов тяжелых, звон стрел смертоносных и вопль народа раздраженного.

Светодар поднял знамя брани, и юноши и мужи окружили его. Старцы взошли на степы; все ожидали появления дня, дабы ознаменовать его сечею кровавою.

Миловзора, с блестящею слезой на глазах, с стесненным сердцем сидела в безмолвном терему своем, и тяжкие вздохи ее возносились к богам, да пошлют победу ее родителю.

Уже Зимцерла раскинула багряный шатер свой по небу голубому. Уже видны стали златоблестящие власы великого Световида. Туман поднялся в долинах и, носясь в пространствах воздуха, образовал мужей великих и сильных, творящих брань совокупную.

Светодар двинулся с воинством.

Когда две тучи громоносные идут одна другой в сретение, сходятся, разливается пламень в областях небесных, и треск раздается в горах и вертепах, дубы и кедры в корнях сокрушаются, и отторженные скалы гранитные рушатся в пенящиеся волны Днепра свирепого: тако сошлись два воинства.

Раздался гром и треск; рассыпались искры от булатных мечей и стальных шлемов, кровь багряная пролилась по песку желтому.

Издали слышны были вой зверей пустынных и крики вранов плотоядных, собравшихся терзать останки мужей падших.

Долго творилась сеча свирепая, и победа была сомнительна. Но наконец вечный промысл богов небожителей! – наконец Буривой, подобно тигру, жителю степей африканских, собрав дружину крепкую, ринулся в средину воинства противного. Что могло противиться шумному движению меча его? Он идет – и гряды пораженных знаменуют сие шествие. Вскоре настигает он Светодара, и исторгает меч и знамя из рук его, и отдает дружине своей влечь пленного в шатер свой.

Узрело воинство плен своего повелителя, и бледность покрыла ланиты неустрашимых, мечи и копья опустились, и робкие предались бегству. Народ, стоявший на стенах града, узрел сие, и вопль его возвестил погибель неизбежную.

Они отверзли врата победителю, и старейшины преклонили колена пред Буривоем и Бориполком, прося пощады.

«Щажу, – вещал надменный победитель, – щажу кровь вашу, жени и детей ваших. Не крови жаждал я

и не корыстей косожских – хотел наказать князя безрассудного и княжну высокомерную. Изведите ее из терема девического в княжеский стан мой. Там ждем ее, пока жребий расположит ею».

Рек и удалился. Тишина воцарилась, и робкие граждане, трепеща возобновление битв гибельных, идут во множестве в терем стнящей Миловзоры. Не взирая на ее стоны и вопли, не взирая на ее мольбы и коленопреклонения, малодушные облакают ее в одежды брачные и ведут в жертву зверям свирепым.

При узрении приближения ее к шатрам воинским, Буриной с Бориполком осклабили суровые уста свои. Воинство произнесло радостный вопль. Один злополучный ее родитель, обремененный цепями плена, стоял прикованный к дубу высокому.

Миловзора с горьким стенанием пала у ног старца злополучного.

«Княжна Косожская! – вещал Буриной: – Право войны отдает тебя в руки наши; право жребия доставит тебя единому из нас, – он будет твоим повелителем и разрешит оковы твоего родителя».

Он вещал, и великий первосвященник начал готовить жребии, моля богов наказать преступника, который дерзнет нарушить права, ими даруемые.

Но мгновенно – при самом стане узрели двух витязей, подъезжающих с двумя оруженосцами. Злато

и серебро, украшавшее их доспехи, и золотые гривны, висевшие на грудях, открыли в них витязей славных двора Киевского. Наличники шлемов были опущены. Воинство печенегов и кривичей с благоговением открыло им путь к князьям своим, «Приветствуем вас, витязи неизвестные, – вещал Буриной. – Какая вина вашего присутствия?»

«Я Добрыня, – вещал один из них, – и се юный друг мой. Хотим знать вину торжества великого».

Буриной поведал ее.

«Почто жребий?» – вскричал Громобой, – то был он, – и сильная грудь его затрепетала под тяжелым панцирем.

Миловзора обратила на него взгляд кроткой благодарности.

«Такова воля наша, – отвечивал Буриной надменно, – и применить ее ни что не сильно!»

Громобой вещал:

«Я витязь земли Русской и равен князю печенегов и кривичей. Разрушаю обеты ваши и сим мечем буду защищать княжну Миловзору от всякого дерзновенного, который пожелает найти смерть в ее похищении. Кинем жеребьи: кто первый из вас должен со мною ратовать?»

«Утверждаю слова его», – вещал Добрыня.

Мгновенно разлилась тишина по всему воинству.

Буривой и Бориполк в безмолвии опустили руки в сосуд священный, и Бориполк первый исторг меч свой.

Зазвенели трубы бранные: воители воссели на коней своих, приняли копья от оруженосцев и устремились друг ко другу.

Слаба и неопытна была десница Бориполкова. С треском пал он с коня крепкого на землю песчаную, и обогреленного кровию отнесли воины в шатер его. Воинство издало стон, – и Буривой с пылающим взором, с пенящимися устами сел на коня своего.

Они съехались, – и кони их пали на колена от первого удара. Витязи спешили. Уже мечи их багрели в крови противников: латы были во многих местах раздроблены; ярость усугублялась. Наконец Буривой, желая кончить прю великую, собрал все силы свои, поднял меч булатный, занес – Громобой уклонился, – и свирепый печенег, подобно кедру, расстался по земле. Громобой устремился к нему, – и тяжкие оковы загремели на раменах кичливого.

«Рази, – ревел он к Громобою, – не хочу жизни, от тебя даруемой».

«Не жизни твоей искал я, – рек Громобой, – но желал отнять право на княжну прекрасную!»

«Боги, управлявшие твоим оружием, тебе ее даруют», – вещал печенег, и кровавая слеза вылилась из глаз его.

«Я дарю тебе свободу, – отвечал Громобой, – будь друг наш и собеседник. Храбрость приятна для души моей!»

Он рек и уклонился к князю Косоожскому. Разрешил оковы его, снял наличник шлема своего и преклонил колена пред Миловзорою.

«Громобой!» – возопила она – и в бесчувственной радости поверглась в объятия своего родителя.

«Громобой!» – воскликнул Светодар и дружелюбно простер к нему руку свою.

«Се Громобой, – вещал Добрыня, – витязь Двора Киевского и друг Добрыни, дяди князя великого. Он избавитель твой и хочет получить в награду прелестную княжну, дочь твою Миловзору».

Светодар радостно обнял Громобоя. С торжеством возвратились во град, и великий служитель Ладь: совокупил чету прелестную. Ночь прошла в пиршестве и веселии; один Буривоп в стане своем пребыл мрачен, как ночь осенняя.

С появлением звезды утренней воссел он на копя и обратился к своим пределам. Воинство его за ним следовало. Мир, прелестный сын неба, осенил златыми крылами Громобоя и Миловзору, и седовласый Светодар купно со своим народом восслали мольбы сердечные к богам-покровителям и воздвигли истуканы Громобою и Добрыне.

Веки отдаленные! Времена давно протекшие! Кто из сынов Славена вспомнит об вас без кроткого трепетания сердца и благодарной слезы на глазах – в дань памяти предкам, великим своими доблестями? Тогда величие и крепость духа возводили на верх славы и счастья и красота была наградой достойною. Не обладал тогда древний, изможденный сластолюбец юными красами дщери славенской, хотя бы обладал он златом Востока целого. Веки отдаленные! времена давно протекшие! Когда возвратитесь вы на землю Славенскую?

Вечер VII

ИРЕНА

Прелестна заря утренняя, когда ланиты ее сияют на чистом небе; благоухают, ветр кроткого вечера, когда веет он с лона розы и лилии; блистательны прелести ваши, девы славеиские, когда кротость души и спокойствие сердца изображают светлые взоры ваши!

Не подражайте дочерям земель иноплеменных, которые славу свою полагают в искусстве прельщать, не чувствуя влечения сердечного. Тщеславятся они числом побед своих, коварством приобретаемых. Прелестью жизни называют они свободу буйную не покоряться святым законам стыдливости, лучшему украшению пола прелестного. Не подражайте им, дочери российские. Внемлите древней песне моей. Вы знаете, что победы таковы непродолжительны. Время откроет коварство, разврат, сокрытые под личиною кроткой любезности. Тогда исчезнет торжество мнимое, и преступная прелестница будет жертвою несчастною своих замыслов!

Давно уже царствовало спокойствие и радость в престольном граде Киеве; веселие роскошно обитало в палатах князя Владимира; упоение пиршеств

блистало во взорах княжеских и всех вельмож и витязей двора его. С появлекия Зимцерлы румяной до восхода звезды вечерней народ и воинство воспевали песни мирные; князь ласково угощал каждого во дворе своем; витязи безоружны. Казалось, небо возжелало осчастливить народ, крепкий и твердый во бранях грозных, и мудрого повелителя их, неутомимого во дни невзгод военных, неподражаемого в часы веселия роскошного.

Вероломные греки обратили пасмурные взоры свои к светлому небу российскому, и черные души их наполнились завистью ядовитою, – они восстенали, зря счастье чуждое.

«Веселится грабитель богатств наших, – вещали повелители града Константинова. – Злато наше блистает в его чертогах; тканьми нашими украшает он стены теремов своих, и нашими перлами – камнями богатой Индии – освещает он любимиц своих бесчисленных. Пойдем наказать жестокого, пока не возбудился он от упоений роскоши, пока орды его послушников, рассеянные по долинам мирным, поют песни любовные!»

Вещал кесарь, – и полки греческие, подобно врагам хищным, стекаются под знамена вероломного рушителя слова своего царского, условий мира долговечного.

Тогда один от среды старейшин совета великого вещал:

«Не тако, повелитель, надлежит нам вести войну с Владимиром. Не рать его бесчисленная устрашала полки наши – его витязи, подобные столбам адамантовым, всегда были препоною победе. Опыты битв протекших уверят в сем тебя, твое воинство и мир подсолнечный. Доколе они окружают Владимира, нет в свете ему поборника. Отнимем прежде от него сию ограду крепкую, и тогда богатства российские отягчат твоих воинов; золото и камни самоцветные воссияют в твоих чертогах».

«Но кто отнимет у Владимира избранных друзей его?» – вещал коварный повелитель.

«Сила воинства великого сего не сделает, – отвечивал советник, – но душа князя Владимира тебе открыта. Подобно древнему Соломону, возлюбил он мудрость и блеск прелестей женских^{10}; непобедимый во бранях, теряет силу свою и мочь великую в объятиях теремов своих. Витязи его – ему последуют. Сим оружием нападём прежде на двор княжеский, – и пока не пробудился князь от сна, его упоевающего, отвлечем от него друзей преданных, и обезоруженный от богатырей своих, будет умолять о мире и помиловании!»

Речь сия понравилась. Собрался совет мудрейших

и определил решительно отослать ко двору Киевскому опаснейшую из дев греческих, прекраснейшую солнца весеннего, коварнейшую самого ада, отослать Ирену, первую любимицу кесаря.

Она отправилась со свитой малолюдною. Прелести, коварство – струились по следам ее.

Веселый Владимир не предвидел сего нового перуна, готового пасть на двор его из рук прелестной обольстительницы. Беспечно угощал он друзей своих и незнаемых: как вдруг, в один прекрасный день, узрели они – вдали Киева, на изумрудной долине, омываемой ручьями, подле рощь пленительных, узрели они шатры белольняные, и в середине их один, с блестящею золотой главицей.

«Теки, Папаевич! – вещал Владимир одному из друзей своих. – Иди в стан пришельца иноземного; познай вину его пришествия на землю Русскую. Если он жаждет единоборства, – здесь есть витязи неробкие. Если ищет веселия, палаты мои отверзты, и столы мои дубовые отягчены яствами и питием сладким».

Папаевич потек и вскоре возвратился! Кто опишет приятное изумление Владимира и его витязей?

Ирена, – не было в мире ничего ей подобного, – Ирена, в светло-голубой одежде, усеянной цветами златыми, медленными стопами шла во след витязю, в чертог пиршества. Таково течение месяца, когда он на

светлом небе, окруженный звездами кроткими, смотрится в тихие струи днепровские.

Восшумели витязи; молнии засверкали во взорах каждого; пурпур разлился по ланитам их, и широкие груди роскошно волновались.

«Великий повелитель народа великого! – вещала Ирена, преклонив робкие взоры свои. – Не единоборства ищущу я в областях твоих! Слава твоего имени и друзей твоих привлекла сюда стопы мои; я пришла увериться, справедлив ли слух о ласковом князе Владимире, когда он, забыв битвы кровавые, покоится мирно в своих чертогах?»

Владимир с кротостию подал ей руку свою, и уже неравнодушные витязи бросали на нее влюбленные взоры свои.

Добрыня, Рогдай, Папаевич, Бурновой и многие не столь знаменитые, казалось, читали во взорах один другого: «Она моя, хотя бы должно сразиться с целою вселенною!» – тако коварная прелесть эта мгновенно окружила их сетями цветочными. Один мудрый Велесил оставался дик и пасмурен. Казалось, присутствие прелестей гречанки умножало суровость его непобедимую.

Прошло тридцать дней пребывания ее на земле Киевской, и витязи непрестанно становились влюбленнее. Всякий из них мнил преимущественно ей по-

нравиться, но красавица упорствовала объявить имя своего победителя.

«Вы все открыли мне любовь свою, – рекла она в один день кругу витязей, – прежде нежели изберу ко-го-либо себе повелителем, хощу опытов любви его. Завтра, с появлением зари утренней, сниму я шатры свои белые. Хощу видеть области других княжеств, Киеву сопредельных. Кто из вас будет моим путево-дителем?»

«Я хощу быть им!» – разлилось со всех сторон.

Витязи взглянули друг на друга с негодованием, и впервые братская дружба их склонилась к расторже-нию.

Смертоносная ревность начала точить сердца бес-страшные, и ненависть взаимная обнаружилась. Вла-димир вздохнул и удалился.

На утрие, едва небо киевское озарилось румянцем, уже не видно было блестящих шатров гости веро-ломной. Ирена, на гордом коне своем, удалялась от Киева. Сонм русских витязей в безмолвии окружал ее.

Осиротел Владимир в просторном дворе своем; грусть жестокая теснила доброе сердце княжеское.

«Таково – вещал он, обратясь к Велесилу (он один только не оставил его), – таково, Велесил, сердце человеческое! Они оставили друга и благодетеля и устремились за бренными красами прелестницы».

Он обнял друга, и слезы скорби появились на глазах мужа кроткого.

Уже месяц совершил полное течение свое по небу российскому и никто не мог возвестить ясно, что случилось с его витязями Одни слухи народные возвещали, что они с повелительницею своею направили путь к Чернигову.

Ежедневно Владимир угощал по-прежнему своих и чужеземцев, но взоры его были пасмурны, и тень горести носилась постоянно по челу его.

Мгновенно является гонец с пределов областей Русских; пыль и пот покрывали вестника; взоры его предвещали невзгоды военные.

«Повелитель! – вещал он князю. – Греки с многочисленным ополчением вторглись в пределы земли Русской. Мечи их поядают твоих подданных; огонь вражеский истребляет жилища наши и храмы богов бессмертных».

«Накажем вероломных!» – рек Владимир, и по звуку трубы военной начали собираться ратники к чертогам княжеским. Там, у крыльца кедрового, развевались знамена войны кроволитной.

«Понимаю хитрость коварных греков, – вещал Велесил. – Теки, князь, с твоими тысячами! Я устремлюсь искать неблагодарных друзей твоих, найду их и возвращу тебе – к ужасу греков клятвопреступников!»

Князь с воинством устремился к пределам страны своей; Велесил с оруженосцем к Чернигову, склоняясь на слухи народные.

Три дня провел он в поле; в четвертый узрел стены Чернигова и на берегу Десны кроткой, на улыбающихся долинах шатры Иренины.

Кто изобразит недоумение его? Он зрит: на шелковых златотканых коврах возлежит Ирена, в полном блеске красоты своей. В некоем отдалении стоят витязи, вооруженные доспехами, с обнаженными мечами. Кони их оседланы, и оруженосцы подняли копья для вручения их богатырям своим.

Смутились витязи преступные, узрев прибытие мудрого Велесила.

«Что значит намерение ваше? – спросил он. – Я зрю приготовление к единоборству!»

«Ты прав, – отвечивал Добрыня с неким смятением, – вскоре увидишь ты кровавые единоборства между витязей русских. Прелестная Ирена, всеми равно обожаемая, решила сего утра участь нашу. Тому отдает она сердце свое, кто явится его достойнейшим. Победитель соперников будет обладателем ее прелестей».

«Безумные! – возгремел Велесил. – Се ли любовь ваша к отечеству и признательность к державному благодетелю?»

Вы оболщены коварством греков, и эта преступная лесть их – орудие к общему погублению. Уже греки вторглись в пределы земли Русской, уже кровь невинная соотчичей наших упоет землю, ими возделанную; Владимир пошел наказать дерзких, но горесть о потере друзей раздирает сердце владыки доброго! Малодушные! ужели вы оставите его в часы смерти, оставите отца чадолюбивого в жертву врагам кичливым и преступным?»

Витязи возмутились; они опустили мечи свои, и тяжкие вздохи поколебали их груди.

«Устремите, – продолжал Велесил, – обнаженные мечи свои против греков! Пусть познают нарушители прав народных, что земля Русская имеет детей великих, что князь не лишился друзей от гнусного их чарования.

Впрочем, ведайте, что всякий из вас, забывший честь своего имени и желающий обладать сими красами, мертвящими величие духа Русского, всякий таковой да сразится прежде со мною и по трупу друга и брата достигнет прелюбодейного ложа ее. Пусть кровь моя озлатит руки ваши, се будет торжество сея ехидны, сего смертного орудия ненавистных врагов наших!»

Витязи познали мудрость слов Велесиловых. Мысли их озарились, чарование прошло, они устыдились

сами себя и в безмолвном раскаянии пали в объятия Велесилы.

«Познаю детей славы гремящей, подпор престола блестящего; друзей владыки великодушного, – познаю витязей двора Росского!

Теперь, он подходит к уstraшенной Ирене. Изумленная прелестница прочла осуждение свое в сверкающих взорах мужа раздраженного. Она преклонила колена, и трепещущие уста ее издали звук ужаса. Мгновенно голова ее отделяется мечом витязя и, поднятая на копье тяжелое, отдана уstraшенным ее спутникам. – Идите к преступным своим соотчикам, – вскричал Велесил, вручите главу сию кесарю, возвестите ему, как наказано коварство его, и сие будет предвестием его собственного посрамления!»

Витязи устремились к полчищам княжеским. В третий день настигли оныя, в часы битвы смертоносной. Уже ряды Владимировы начали расстроиваться; уже князь, подобно льву разъяренному, поражавший врагов тьмочисленных, начинал чувствовать утомление, и взоры его простерлись к небесам, прося помощи.

И вот – воинство его возопило, князь обращает взоры и познает избранных друзей своих, вторгших смерть и опустошение в ряды греческие. Вид битвы мгновенно премепнулся. Робкие греки познали прибытие витязей, восстепали и обратились в бегство.

До появления месяца преследовали их победители. Стон и вопль умирающих раздавался в долинах, в лесах и шумящих волнах Буга священного.

Владимир обнял раскаявшихся и разделил воинству добычи богатые.

Он обратился к Киеву; радостные песни победителей раздавались под небом безоблачным:

«Хвала и честь великому обладателю земли Русской; хвала и честь грозным витязям, друзьям его.

Подобно орлам небесным, вьющимся над вершинами Кавказскими, носились они по гудам тел бездушных греков. Враги рассыпаны, как рассыпается прах от дыхания бури.

Ме возвеселятся дочери греческие и своих возлюбленных.

Отцы и матери не прижмут ратников к родительским сердцам своим. Тщетно для них весна украсит поля и долины цветами благовонными; тщетно лето блестящее и золотая осень предложат им багряные плоды свои; тщетно дев юных пышные груди возвысятся, подобно кротким волнам Дона по берегам цветочным, — лежат они повержены по холмам и долинам и не восстанут на вопль, их призывающий. Взойдет солнце и закатится; родится месяц и состареется, они будут лежать, подобно древам, поверженным в пустынях чуждых. Громы небесные не возбуждают их

от сна долговечного. Чрева волков свирепых будут им могилами, и одни плотоядные враны воспоют им песни надгробные!»

Вечер VIII

МИРОСЛАВ

После грозной бурной ночи настало утро прелестное.

Блистательно было солнце среди небес лазуревых, величественно в тихих волнах Днепровых, кротко в каплях росы, блиставшей на листьях поверженных дубов и тополей и скромной незабудки, безопасно проведенной ужасы ночи той, склони низменную головку свою к матернему лону землизащитницы.

Мирослав, вышед из пустынной хижины своей, взошел на холм прибрежный. Белая брада показывала в нем мужа древнего; чистый, светлый, спокойный взор его к небу означал мудрого, коего жизнь текла порядком устроенным.

Он, воздев длани вещал:

«О ты, существо великое и премудрое! На заката дней моих я познал тебя, и душа моя обновилась; природа явилась мне в новом виде, и сердце мое стало биться жизнью, дотоле неизвестною. Благословляю тебя, существо непостижимое, но великое и благодетельное!

Грозно было чело твое в ночь протекшую; ты воз-

высил длань, и небеса воспламенились, произнесли стон и вопль, земля затрепетала, страшась своего уничтожения!

Увы! Познаю вину истинную, почто бог любви и милосердия ополчается гневом великим, разрушает жизнь, прежде дарованную, и приводит в трепет миры с их обитателями!

И теперь, когда гремишь ты в превыспренних, сгущаешь тучи железные, ниспосылаешь грады и наводнения, когда риза твоя горит огнями поражающими, – и теперь есть убийцы и хищники, есть клятвопреступники и оболъстители! Что же было бы на земле несчастливой, когда бы злобные обитатели ее беспрерывно зрели вечную благодать твою, никакими злодействами неизменяемую?

Благословляю тебя, существо непостижимое, но великое, благодетельное и правосудное!»

Умолк, пал ниц на землю, и мольбы его воскреслись к престолу вечного.

Восстав от земли, узрел он двоих странников: юношу в броне богатырской, но без оружия и деву красоты отличной. Робость питала взоры пришельцев сих, движения их означали нерешительность; одежды показывали, что ночь целую провели они в странствии трудном и заботливом, под открытым небом.

«Странники! – возопил Мирослав, – се хижина стар-

ца отверзта. Не ищите неги и роскоши, – и вы покой обрящете».

Юноша косными шагами приблизился. Юная подруга его едва могла ему следовать, опершись на рамена возлюбленного. Каждый взор ее, к нему обращенный, каждое движение его показывало, что путешественник ее – есть друг сердца, есть щит ее добродетели, бытия ее, отрада последняя.

«Почтенный житель пустыни безлюдной! – вещал юноша, приближаясь к Мирославу, – я познаю мудрость твою великую. Ты оставил людей с их злодействами. Ты оставил прелесть роскоши житейской и наслаждаешься счастьем.

Боже великий! Почто не оставил я чертогов княжеских, злата и серебра, в них блистающего! Тогда я не познал бы бедствий, меня удручающих, и сей юный, прелестный цвет любви моей не томился бы пагубным бездождем!»

Он сказал, склонился на грудь прелестной сопутницы; слеза повисла на седых ресницах Мирослава; он произнес тяжкий вздох и заключил обоих странников в свои объятия.

«Кто ты, юноша благородный? – возопил он, проливая слезы. – Кто ты, дева прелестная?»

Юноша отер слезы свои, еще раз обнял старца и с сердечною доверенностью отвечал ему:

«Я Святослав, сын Владимиров!»

Мирослав в изумлении отступил от него:

«Ты – Спятослан, убегающий чтобы и мщения Святополка^{11}, брата своего! И невинная, юная, кроткая Псмешья есть виною его неистовства! По что Владимир, родитель твой?» – спросил Мирослав с трепетом.

Святослав покрылся бледностию. Он возвел взоры свои к небу.

«Понимаю, – сказал Мирослав, – видел я звезду светлую, падшую с высот неба киевского. Кровавая туча заступила место ее; слышны были удары грома рьяного и блеск ослепляющей молнии! – Или и его...»

«Нет более!» – возрыдал Святослав и пал на колена; Немения склонилась на выю его. Се мгновение грозного молчания!

«Тако оканчивается поприще жизни! – рек Мирослав. – Обладатель света и рабы последние склонят главы свои.

Пройдет время недолгое – рассыплются памятники пышные, и путник не найдет места, где тлеют останки мужей великих. Участь мира подлунного! Но по что возненавидел вас Святополк, грозный сын кроткого Владимира?»

Святослав вещал: «Умоляю тебя дать убежище и покой утомленной моей сопутнице. После поведаю

тебе вину горестного моего странствования из дому родительского, из града отечественного».

Он рек, – Мирослав взял Немению за руку, ввел ее в хижину и предложил убогий одр свой. Она возлегла. Старец с Святославом взошел на прежний холм, возлегли там, и Святослав начал свое повествование:

«Склонилось солнце Владимирово к своему западу.

Слабы стали мышцы старческие править браздами илачения обширного. Померцающие взоры его с трудом уже отличали друга верного от льстеца коварного и гордое искание почестей от благородной любви к чести отечества. В таковое время жизни его возлюбил он, более прочих сынов своих, гордого, неукротимого Святополка и вверил ему покой и благо отечества.

Грозен, подобно туче, взор Святополков; бурен дух его, как вихрь, сын песчаных долин Днепровых. Не любил он покоя, и одни кровопролития веселили его. Он возбудил недоверчивость в Ярославе, старшем сыне Владимира, владыке великого Новаграда.

Развевал сей знамена бунта кроволитного, двинулись ко граду Киеву преступные полчища его, растерзалось сердце отца чадолюбивого, и грозное воинство, им предводимое, явилось на полях ратных. Победа увенчала седую главу рыдающего о ней Владимира.

Незадолго пред тем неопытный взор любви моей остановился на дочери благородного Леона, бывшего более друга Владимирова, нежели князя пленного, я возлюбил Немению, и счастье мое исполнилось совершенно, когда познал я взаимную любовь ее.

Я пал к стопам родителя, и соизволение его возвеличило меня превыше всех обладателей мира. Господствующий Святополк, в свирепой душе коего никогда любовь не обитала, был беден, ничтожен в глазах моих. Увы! как мало постигал я вину исступления и свирепости Святополковой.

Подобно раскаленному жерлу горы Сицилийской, давно пламенело сердце его к прелестям Немении; подобно стреле молнийной, которая, раздирая сгущенный помост неба, убийственными взорами ищет высот на земле устрашенной, находит и раздробляет деревья и камни, – такими взорами провождал всегда Святополк юную подругу души моей, когда она шла по страну меня увенчанная цветами прелестными.

Он открылся Леону, греку честолюбивому, и владеющий злодей предпочтен им безудельному сыну Князеву^{12}; он дал ему позволение искать ее соответствия, обещав по окончании браней междоусобных вручить ему и руку ее. Я также ждал сего, полагаясь на изволение родителя.

Владимира не стало! – Три дня рыдали осиротев-

шие дети и народ его.

В сие время Святополк собрал рать бесчисленную и ожидал приближения Ярославова. Сей прибыл в утро протекшее и стал по другую страну Днепра ревущего. Едва показалась заря на небе киевском, все предвещало ужасный день и ночь еще ужаснейшую. Мрачные облака носились на тверди и затемняли златые верхи храмов божественных.

„Немения! – вещал я, подавая руку юному другу своему. – День сей решит судьбу трона и народа российского.

Пойдем ко гробу великого нашего родителя; благословим память его и оплачем участь нашу горестную“.

Мы пришли, пали на колена у подножия гробницы, и слезы наши полились градом.

„Великий родитель наш! – возопил я, – благослови нас теперь с небес, как благословлял некогда на земле; и умоли предвечного, да осчастливит Ярослава победою, землю Российскую падением свирепого Святополка!“

„Злополучные!“ – раздался рев, подобно грому; он повтооился меж сводов каменных, и ветви кипарисов восшумели.

Обратились мы, – ...ужас оковал члены наши; мы остались к земле пригвожденными.

Стоял Святополк, опершись на копие свое. Крова-

вые взоры ею сверкали, подобно углям раскаленным. Он хотел продолжать, но гнев сковал уста его. Стража стояла за ним в безмолвии.

„Святослав! – наконец вещал он, – время уже открыть тебе твоё безумие. Никогда не будешь ты обладать Исמעпнею, как дух отверженный света красами эдемскими. Мне будет принадлежать она! Се воля моя и Леона, её родителя.

Давно бы постигла тебя участь Глеба и Бориса^{13}, если бы любовь Владимирова была к тебе столь же неумеренна.

Иду на битву кровавую – возвращусь победителем. Ты теки из владений моих, да не обрету тебя по моем возвращении. Кровлю твоею омою я брачные одежды Исмени и взойду на ложе её по твоему труп; иди поспешно. Се последняя милость моя, крови родственной даруемая. Исмениа в тереме будет ждать моего возврата с полей битвы“.

Он рек и удалился. Некоторые из стражей повлекли Исмению во дворец; я остался один, бесчувствие покрыло меня своею дланию, целая природа для меня исчезла.

Ощувив себя, нахожу день уже склонившимся. Мрак господствовал в природе. Громы ревели на тверди, и молнии освещали ужас мятущегося неба.

Подобно исступленному, восстаю я от земли, бегу в

вертоград княжеские, дабы в последний раз узреть при блеске молнии в окнах теремов рыдающую Исмению, узреть ее л железом пронзить сердце свое несчастное.

Я пробегаю из конца в конец, попираю ногами цветы л травы, насажденные руками Исмении, дотоле бывшие мне драгоценнейшими всех перлов Индии; имя Исмении зываю на каждом шаге, и свисты ветров тщетно оно повторяют.

Но кто изобразит прелесть моего исступления, когда я наконец узрел ее, ко мне пришедшую! Она пала в мои объятия.

„Кто возвращает мне Исмению?“ – спросил я небо. Удар грома мне отвечивал.

Я пал на колени и молился. Когда первое упоение свидания прошло, Исмения вещала мне, что бунт природы и непрерывно переменяющиеся во дворе слухи об участии битвы породили смятение и беспорядок в палатах. Она воспользовалась, проникла сквозь сонм стражей, достигла вертограда, познала голос друга своего, и душа ее оживилась.

Мгновенно мы оставил.; вертоград, оставили двор родительский, оставили город, зревший рождение наше, храмы божий и прах великого Владимира.

Пути неизвестными устремили мы шествие по берегам Днепровым; я отвращал от Исмении препина-

ние ветвей древесных, преносил се чрез камни острые, согревал ее моими объятиями от хлада ночи бурной, и так мы к восходу солнечному пришли к обители твоей, старец благодетельный. Если любезна сердцу твоему память добродетелей моего родителя, дозвожь в хижине твоей пробывать время малое несчастному сыну его!»

«Благословляю щедрое провидение, – рек старец с благоговением, пославшее мне малый случай доказать сыну, сколь драгоценна для меня память его родителя».

И се – внезапно узрели они поднявшуюся пыль вдоль берега. Топот коней и шумный вопль ратников возвещали бегущих с полей битвы.

Старец и юный князь возникли.

Они узрели Святополка, покрытого ранами, облитого кровлю, бегущего с малою дружиною, толико же пораженною.

«Се воля твоя, – стонал Святополк, – се определение власти твоей, бог гнева и мщения! Кровь Глеба и Бориса, на мне запекшаяся, омывается теперь моею кровлю!»

Узрел он юного Святослава, оставил коня своего, приспел подобно вихрю шумному, и рев его раздался по берегу и водам Днепровым:

«Ты здесь, малодушный любимец счастья? Не воз-

вратишься ты во двор княжеский веселиться с Ярославом; не будешь торжествовать бедствия моего у груди Исмении. Не возвеселится неблагодарная о твоём прибытии!»

Вещал, и тяжелый меч его водрузился в груди юноши.

Он пал, и багряная кровь его оросила землю холодную.

Святополк быстро удалился. Издали слышны были тяжкие завывания груди его.

Вняла злополучная Исмения воплям и гулам ратным; востекла от ложа пустынного и быстро устремилась к старцу, стоявшему на коленях у охладевшего трупа Святославова. Она узрела, – бледностью покрылись ланиты ее и уста прелестные; поколебались колена, она пала подле друга, и дух ее устремился вслед за своим любимцем.

Долго пустынный житель холодными взорами смотрел на юные жертвы злобы и бесчеловечия землеоблутателей.

Он изрыл дряхлыми руками могилу, опустил в нее трупы любившихся, сделал насыпь высокую и посадил ее цветами благовонными.

Тогда пал он на колола, пролил впервые источники слез и, обрати полуугасший взор и трепещущие руки к небу, вещал:

«Такс восхотел ты, великий повелитель мира! Земля не достойна была украшаться прелестными сими цветами.

Ты восхитил их в вертограды вечного эдема, да познают там счастье любви невинной. Вождеденнее для сердца чувствительного растсрзаться у гроба любимца своего, чем с мужем его ненависти взойти на ложе брачное».

Вечер IX МИХАИЛ

Ты склоняешься уже, солнце небесное, от взоров наших!

В последний раз сего вечера златишь ты жемчужные крылия облака легкого, на коем некогда, во дни давнопротекшие, бесплотные духи витязей великих любили покоиться и в последний раз упиваться вечерним светом твоим.

Пошли же, солнце любезное, пошли к нам звезду вечернюю и месяц серебряный; я хочу петь о любви к отечеству, священной любви, достойной мужа великого, но и еще священнейшей – любви к вере отцов своих.

На западе разостлались розы зари прелестной, на востоке засребрились листья дубов и тополов от востекающего месяца. Нежны лучи его для взоров наших, любезно для груди дыхание ветра тихого, как он, развеясь по лицу земли, с кротким журчанием лобызает росу на лоне гордой лилии и кроткой гвоздики.

Такова была заря алая, таков был месяц светлый, когда пленный Михаил, князь Черниговский, стоял на берегу Дона тихого с другом своим и вельможею Фе-

одором, под игом Батыя, царя гордого Золотой Орды. Рубища покрывали рамена их, ветер развевал власы их, пот и слезы струились по ланитам и, стекшись на запекшихся устах, умирали от дыхания пламенного стесненной груди витязей.

Михаил копал гряды для цветника царевны, сажал цветы, поливал их, берег, лелеял: это была должность его, наложенная ханом – победителем. Князь, лишась сладкого удовольствия управлять народом и делать его счастливым, смотрел с улыбкою, когда юная роза или лилия отверзали к нему свои объятия и кротко благоухали к своему творителю.

Михаил склонился; оперся на заступ свой, долго смотрел на небо лазуревое и на приманчивый свет месяца; на струи Дона тихого и листки фиалки, окропляющиеся росю.

«Творец мира сего, – вещал он, устремив взоры к небу и обратив к нему руки свои, как обращает юное алчущее дитя к сосиам матери. – Творец мира сего и всех красот, в нем рассеянных! Почто все страны его населил ты радостию, и везде видна десница твоя отеческая? Почто в Орде кровожаждущей, среди народа дикого и зверского, непознавшего тебя и щедрот твоих, почто и здесь то же солнце, те же звезды, то же кроткое пение птиц и цветов благоухание, как и в России, где воздвигаются тебе храмы и на алтарях твоих

курится фимиам сердечный?»

«Бог создал людей, – начал речь Феодор, – и оградил их крепостню мышц не для того, дабы они, подобно зверям хищным, ловили друг друга в добычу своему неистовству.

Он повелел земле в недрах своих производить медь и железо для создания орудий к возделыванию земли, а не для того, чтобы мы мечами источали кровь один у другого и были виновниками бедствий взаимных!»

«Но что сделал я? – вещал Михаил, – почто привлек грозную десницу неба? Я любил мир, ибо я любил люден.

Я жаждал покоя, награждал трудолюбие, и ни одна неистовая мысль любочестия или корыстолюбия не имела для себя ни одного биения сердечного. И оттого-то народ мой более уподоблялся пастырям стад, нежели воинам. Нашествие врага лютого погубило меня и всех совокупно».

«Предадим судьбу свою воле небес, и от них будем ожидать или отрады или конечной гибели», – рек Феодор, подал с улыбкой утешения руку юному своему князю, и они воссели на холме, омываемом донскими струями, в безмолвии взирая на небо кроткое и волны едва зыблющиеся.

Уже ночь совершила половину своего течения, все-

общая тишина царствовала в долине, одни голоса пленников изредка колебали воздух; как вдруг узрели они: от шатров царских появились шествующая к ним царица с своею верною рабыней. Белоснежная одежда ее, истканная серебряными цветами, украшенная драгоценными камнями Востока, разливала вокруг ее сияние. Багряное покрывало висело по липу ее. Она шла, очарование струилось по следам ее; легкое колебание груди подобилось пенным волнам Дона, когда ветры раздирали воздух и грома ревели на тверди.

Такова была, повествуют греки, мать любви – Афродита, когда она впервые явилась в сословие богов небесных, и огонь восторгов просиял на лицах каждого, и солнце улыбнулось, и земля от веселия восколебалась!

Такова была, вещают славяне, юная Лада, дочь Световида и царицы земли, когда она впервые, на берегах Буга, под счастливым влиянием неба, при восклицаниях целой природы, при кротком свете месяца открыла прекрасное лицо свое и дозволила счастливому Перуну, державному обладателю грома и молнии, разрешить девический пояс свой.

Такова была Зюлнма в цвете юности своей. Она приблизилась к удивленным пленникам, остановилась и, одною рукой закинув свое покрывало, дру-

гую простерши к князю, – «Михаил! – вещала она – и звук ее сладостного голоса был подобен звуку арфы под перстами опытного песнопевца мира: – Михаил!» – вещала она, сопровождая взором, пред которым бы звезды небесные преклонились, улыбкою, которою заря вечера кроткого никогда не озарялась.

«Зюлима! – вещал князь, восставая от земли с своим другом. – Царевна! что привело тебя в часы сии в места уединенные, к двум горестным пленникам? Или хочешь почерпнуть из сердец их сетования и, может быть, впервые узнать, что есть горесть жизни?»

«Когда ты, – рекла Зюлима, – в первый раз в шатре моего родителя говорил с ним, с тех пор начала я и никогда не преставала после того желать тебе счастья и удовольствия в мире сем, если только они еще для тебя существуют».

«Нет для меня более, – вещал Михаил, – на земле сей счастья и удовольствия!»

«Итак, ты все потерял?»

«Все!»

«И невозвратно?»

«Как дни прошедшие!»

«Ты обманываешься», – сказала Зюлима с кроткою улыбкою, и вскоре на ресницах ее засверкали слезы перловые, луч месяца осветился в них, они пали на ланиты ее, трепет разлился в груди Зюлны, с жаром

взяла она руку у князя.

«Ты обманываешься! – продолжала она, – ты был обладателем и опять будешь; ты был любим – и будешь еще белее; ты был счастлив и можешь быть еще счастливее», «Я?» – сказал князь с удивлением, и воспоминание дней прошедших разлило мрачное уныние на глазах его.

«Ты был князем Черниговским, – сказала Зюлима, – и будешь обладателем Золотой Орды; ты был любимым супругом, и Зюлима клянется любить тебя; она любит тебя со всем пламенем, какой может только вмещать сердце страстной женщины, дочери царя восточного!»

Ужас, недоумение, горечь разлились на ланитах Михаила и Феодора.

«Я не могу понять слов твоих», – сказал князь, отступая от нее с трепетом.

«Вещай, – сказала Зюлима, обратись к рабе своей, – вещай, верная Цара! От тебя не скрыта ни одна мысль твоей повелительницы, им одно желание сердца ее».

Тут царевна опустила покрывало, села на холме благоухающем и оперлась рукою на померанцевое дерево. Михаил с Феодором стояли против нее. У всех сердца были сжаты, и одни тайные, едва приметные, по тем тягчайшие вздохи колебали их груди.

Цара начала:

«В начале весны протекшего года, когда Батый, державный родитель Зюлимы, возвратился на поля наши с победою, в пленных россиянах познали мы, что слухи о их варварстве и невежестве обличали нас самих в зверстве и невежестве. Царевна Зюлима любила говорить с ними и впервые познала связи народов образованных, связи семейные и государственные.

При первом появлении весны благословенной Батый начал снаряжаться под Чернигов, клянясь не возвратиться – не разорив города и не приведя князя Михаила на берега Донские служить ему вместо раба последнего!

Он двинулся; Зюлима в первый раз ощутила в сердце своем невольное трепетание; непостижимая тоска сопутствовала ей непрерывно.

„Кто таков Михаил?“ – вопрошала она у россиян.

Громы похвал раздавались всюду, и царевна совершенно престала понимать свои чувства и отличать желания.

Иногда, в неизвестном ей восторге, мечтала она видеть князя победителем; видеть, как он со знаменем и мечом в руках разгонял безобразные толпы ордынские, – и улыбка являлась на губах ее; но вдруг, представя неразлучные с победой россиян стыд и по-

срамление славы ее родителя, содрогание груди ее заставляло ее познать преступность своих желаний.

Иногда, вообразя гибель своих неприятелей, падение града их и священных храмов, омрачалась она горестию, и слеза готова была пасть на зыблющуюся грудь ее; но представя князя пленником, представя, как она утешает его своими попечениями, как разделяет с ним тяжкое иго неволи и по времени заставляет его забыть отечество, дабы с нею познать счастье жизни, взоры ее пылали лучами радости, щеки покрывались пурпуром розы восточной и улыбка сияла на пламенеющих губах ее.

Среди таковых движений духа и сердца услышали мы приближения Батыя и с ним пленного Михаила с его избранными. Тогда никакая мысль не занимала царевны, кроме мысли видеть Михаила, и — наутро другого дня, как Батый, окруженный темными¹² вельможами двора своего, воссел на престоле величества, царевна Зюлима сидела по правую страну его; я стояла у ног ее.

Восклицания придворных и поздравительные приветствия их прекратились. Батый повелел, и Михаил, сопровождаемый Феодором и другими вождями, представлены пред лицо его.

Царевна взглянула на него; запылали щеки ее, со-

¹² Титло великости. (Примеч. Нарезного.)

мкнулись ресницы, и она, раскрыв их чрез несколько мгновений, испустила вздох, мне одной только приметный.

„Пади ниц с твоими великими и ожидай повелений твоего обладателя“, вешал Батый.

Михаил отвечивал:

„Я сын князя Российского и сам обладал народами, доколе гневный перст бога отцов моих не рассыпал грома над главой моею. Пред ним единым преклонял я колена, и ни пред кем более, ни пред повелителем целого мира!“

Ропот раздался в сонме вельмож; Батый дал знак, и молчание разлилося. Долго дума великая носилась по челу его; наконец суровый взор его осклабился.

„Неужели, – рек он к Михаилу, – неужели не познал ты силы руки моей и власти моей беспредельной?“

„Пройдет небо и земля, звезды и солнце, пройдет и власть человеческая! Поразить меня ты можешь, ибо я человек и слаб; победить меня – никогда, ибо я князь и христианин“, – Михаил отвечивал.

„Не противна мне речь твоя, – сказал Батый с кротостью, впервые в нем приметною, – люблю людей храбрых, и великость духа уважаю даже в побежденных. Надеюсь, ты переменишь мысли свои и тогда будешь первый после Батыя; теперь цепи спадут с рамен твоих; работа самая легчайшая на тебя возложит-

ся; в собеседники себе избери любимейшего из вождей твоих. Так велю я, ибо люблю людей храбрых и великость духа уважаю даже в побежденных!”

Долго Зюлима в шатре девственном на груди верной Цары рыдала об участи Михаила. С каждым наступающим днем возрастала мучительная тоска ее; с каждым восходом месяца удвоивались слезы ее, и наконец ясно познала я, что соболезование к несчастному, но великому витязю обратилось в соучастие, соучастие в склонность, склонность в любовь, любовь в беспредельную страсть, ее пожпающую.

Сего вечера Батый, упоенный своим счастьем и величием, повелел быть празднеству великому. Уже около торжественного ложа его воссели вожди и советники. Веселие разлилось на лице каждого: избраннейшие красоты Востока возлегли на златотканых коврах у ног владык своих и воспели песни сладострастные, сопровождая оные звуками бубнов и кимвалов. Шумная радость потрясала шатры блестящие, и сердце царево и великих двора его разнежилось.

Тогда Зюлима, подобно кроткой Турин сала эдемского, берет арфу художеств цареградских, налагает на блестящие струны ее белоснежные персты свои; раздался звон сладостный, потрясающий, и тихий глас ее, подобный журчанию ветерка на листках юной розы, светлый глас ее коснулся слуху сопиршеству-

ющих. Все умолкло, дыхание каждого остановилось; Зюлима пела:

„Любовь! Не ты ли та повелительница мира, которой манием возникли из ничего народы с их племенами? Не ты ли создала их воедино и дала почувствовать сладость общежития?

Ты связуешь сердца неразрывными узами сочувствия!

Ты облегчаешь беды и горести! Ты возвеличиваешь счастье их и веселие!

Что может заменить тебя? Престолы и скиптры в глазах твоих ничтожны; власть и могущество, обладание целою вселенною не тронут сердца, тобою полного!

Что же может противиться тебе, любовь всесильная?

Ничто! Встретит ли тебя свирепость кровожадная, власть ли тиранства воспретит тебе, гроб ли мрачный прострет к тебе свои хладные объятия: ты встретишь их со вздохом сердечным, с слезою блестящего и останешься победительницей“.

Зюлима умолкли; по изумление господствовало, молчание царствовало.

Батый в восторге души своей простер к пей руку свою; Зюлима облобызала ее с детскою иежностью и преклонила колена.

„Что хочешь, Зюлима?“ – спросил он с величием.

Зюлима смежила взоры свои и склонила к персям главу свою.

„Сокровища мои у ног твоих, полцарства моего тебе да поклонится, да познают в тебе свою повелительницу“, – вешал Батый, поднимая ее в свои объятия.

„Сего мало для сердца моего, родитель! Я требую одного“, – рекла Зюлима, и невольным образом вторично колена ее преклонились.

„Чего же?“

„Возврати свободу пленнику твоему, князю Михаилу“, – вещала царица, трепет потряс члены ее, она накинула покрывало и восстала в величии.

Хан и старейшины пребыли в молчании.

„Открыта предо мной душа твоя, – сказал наконец Батый величественно, но без гнева. – Я исполню желание твое, но потребую жертвы от Михаила“.

„Какой, родитель мой?“

„Да поклонится Михаил Магомету и преклонит колена пред тропом моим; тогда исполнится желание твое, ибо душа твоя открыта предо мною!“ – вещал хан, встал от ложа своего и удалился в шатер покоя.

Царица умолкла. Колыхание груди Зюлимы остановилось.

Казалось, все существо ее устремилось к ответу Михаила.

Он рек:

„Я славянин, – и это весь ответ мой!“

„Он очень темен“, – сказала царица восставая, окаменевшая предчувствием.

„Как скоро начал я чувствовать себя, поклялся быть верей богу и отечеству, и с сим чувством спиду в гроб. Надеюсь, что мой бог и повелитель воздаст мне там, где цари и подданные, побежденные и победители явятся в природном образе своем!“

„Какой монарх на троне величия своего откажется быть обладателем Золотой Орды и Зюлимы!“ – сказала она с кротостью, потрясшею душу Михаила. Жестокость не была основанием сердца его.

„Ни один! – вещал он, – кроме князя Российского, даже пленного!“

„И намерение твое непременно, вечно?“

„Как вечен бог, коему мы оба поклоняемся!“

„Я погубила тебя, – сказала Зюлима со вздохом, – я погубила тебя невозвратно; но и сама должна погибнуть.“

И если божества, создавшие россиян и ордынцев, освещающие Восток и Запад, если божества сип имеют между собою что-либо общее, то мы встретимся там, и, быть может, благость небесная тронет твое сердце!“

Она оперлась на руку Цары и удалилась. Издали

слышны были глухие ее рыдания.

„Се жертва тебе, боже отцов моих! – вещал Михаил и горькая слеза пала на грудь его, – се жертва тебе, мое отечество!“

Жестокое предчувствие объяло тоскою души Михаила и Феодора.

На утро следующего дня ввели обоих друзей в шатер ханский. Великолепие Востока блистало повсюду. Батый окруженный вельможами, в царском венце блистающем, сидел на троне. Подле него Зюлима, бледная, как осенний месяц, трепещущая, как юный мирт от дыхания вихря.

Грозны и поражающе были взоры царицы; гром носился на губах его, и молния блистала в каждом взгляде.

„Недостойный раб! – возгласил он. – Небо уготовало тебе счастье, какого не получают все цари земли! Ты мог быть моим преемником и обладателем Зюлимы, дщери Батыевой, и ты ли отрицаешься?“

„Когда бы угодно было небесам, – отвечивал Михаил с твердостью, чтобы ты соделался моим пленником, и после долгого томления предложил я тебе княжну от роду Славенского, был ли бы ты вероломным к божеству отцов твоих и поклонился ли мною исповедуемому?“

„Не требую умствования, – рек хан, – намерение

мое твердо, и никакая власть света пременить его несильна. Вот трон мой, вот дочь моя! Избирай: ложе ли брачное или костер пылающий!“

Феодор быстро взглянул на князя, пожал дружески-любно руку его и вещал хану, указывая на небо:

„Там наше ложе брачное!“

„Да будет так“, – вскричал Батый и восстал с ложа.

„Родитель мой!“ – возопила Зюлима болезненно и обняла его колена.

„Не прикасайся ко мне, отверженная даже пленником! – вещал Батый, отторгая ее от себя. – Не прикасайся ко мне, пока не очищу твоего посрамления“.

Он вышел, и все за ним.

Подле шатра царского, под открытым небом, возвышались два костра кедровые. Возженные пламенники вонзены в землю. Исполнители воли мучителя повлекли узников на костры, прикрепили вервьями руки их и ноги к столбам высоким. Пламенники коснулись кострам, и они воздымились; показался огонь и, восходя выше и выше, начал касаться несчастных. Ни один вздох, ни одна болезненная черта не изменяла лиц их!

„Еще время есть, – рек Батый, – спасти себя и друга; одно слово, и счастье окружит тебя своим сиянием!“

Узники хранили молчание; и се болезненный стон

и вопль раздался среди народа и воинства. Телохранители раздвинулись, и Батый, обратившись, узрел – кто опишет ужас его и отчаяние? – он узрел Зюлпму, несомую четырьмя рабынями. Кинжал вонзен в грудь ее. Червленная кровь омывала серебристые ее одежды. Уста и глаза были сомкнуты.

„Злополучный я“, – возрыдал Батый и в изнеможении сил пал на руки воинов.

Царевну положили у костра Михайлова.

„Ты на месте смерти“, – сказала ей тихо Цара, и Зюлима открыла погасшие взоры свои.

„Михаил! – сказала она, простря к нему руку свою, – я отмщаю себе за твою смерть! Да будет душа твоя путеводительницею моею к жилищу бога твоего. В последние минуты жизни моей отрицаюсь веры ордынской. Помолись божеству твоему, да – простит детские мои заблуждения, наградит своим помилованием“.

Таковы были последние слова умирающей.

Михаил, окруженный уже пламенем, его пожирающим, собрав последние силы свои, возопил:

„Боже! услыши молитву ее“».

Его не стало, не стало и друга его, Феодора, и едва Батый отверз глаза свои, он узрел:

Огни уже погашены, и трупы Михаила, Феодора и Зюлпмы простерты на земле.

«Их нет более! – восстепал он и растерзал ризы свои. – Христианин лишил меня дщери любезной. Он соделал меня несчастнейшим из подлунных обитателей. О! лучше бы Михаил похитил троп мой и достояние. В лесах и вертепах скитался бы я с большим веселием, нежели царствовать над ордами всего мира. Да обрушится же гнев мой на Россию. Кровью жен и детей ее смою я с души моей пятна крови моей Зюлимы!»

Таковы были сетования его во дни горести лютой. Он не находил мира ни в кругу любимцев, ни красот двора его.

Одни бранные звуки, ратные клики и кровопролития могли заглушить вопль совести и заставить забыть кровь дщери его, Зюлимы.

Он устремился на Россию. Долго свирепствовал в ней, пожигая грады и храмы божий; пока наконец праведное небо не послало мстителя. Кровожадный пал бедственно на полях Венгрии, и вскоре царство его, бывшее ужасом для стран отдаленнейших, рушилось от битв междоусобных.

Меж тем тела Михаила и Феодора, поверженные у чолма прибрежного, покрыты были дланию вышнего. Тление с ужасом от них уклонилося, и они соделались алтарем, у коего правоверные потомки шлют мольбы свои к предвечному.

Вечер X

ЛЮБОСЛАВ

Прекрасная заря вечерняя воссияла на кротком голубом небе. Румяные лучи ее озлащали крепкие зубцы высоких башен града Турова и цветные кровли теремов князя Любослава. Игривый ветерок, резвясь в пространстве воздушном, колебал листья кедров высоких, спускался на розу благовонную и роскошно отдыхал в объятиях царицы цветов прелестных; вся природа, увеселяющаяся дневными трудами своими, простирала длани к вожделенному успокоению; один князь Любослав, подобно камню, ударом грома вседробящего отторженному от горной вершины, сидел у корня древнего дуба в глубоком безмолвии.

Мрачное чело его подобно угрюмому холму, покрытому туманом осени дождливой, взоры его кидали молнии суровые, дыхание груди раздавалось окрест, как стон ветра в утлой гробнице безбожного! В пасмурном отдалении стояли погруженные в уныние два оруженосца Князевы: Велькар, отличный крепостью мышц своих, Зонар, славный мудростию советов.

Любослав восклонился на пуку, подъял очи свои и воззвал к небу, звездами цветущему: «Почто, ме-

сыц любезный, так кротко помаваешь ты жемчужными власами, и вы, звезды сребристые, пускаете трепещущие искры над главою моею! Прелести ваши способны вливать в душу смертного радости живящие; но Любослав чужд всего, что называется радостью; в обширной стране своей он есть узник горести и томления. Покрой, о месяц, кристальное чело свое тучею непроницаемой; отклоните, звезды, яркие взоры свои от князя несчастного! Для духа моего способнее, вожделеннее блуждать в дубравах мрачных, под черным наметом пасмурного неба, озаряемым златою молниєю. Велькар! Зонар! следуйте за мною».

Восстал и пошел, подобно столпу туманному, коего края озарены еще слабым светом заходящего месяца; спутники его за ним последовали.

Ночь прошла в путешествии. Северная звезда возблистала над востоком; нолевые птицы воспарили к небу и воспели хвалу утреннюю непостижимому зиждителю всего прекрасного под солнцем. Спутники Князевы хранили глубокое безмолвие; они не дерзали спросить повелителя, куда направлены блуждающие стопы его? И се достигли они леса дремучего, готового принять их в мрачные недра свои. Князь хотел продолжать, как Зонар, достигнув его с преклонным видом, воспретил путь ему; удивленный князь остановился.

Зонар вещал: «Повелитель страны Туровской! куда направляешь ты стопы свои? или безвестно тебе, что благочестивый инок Поил обитает среди дубравы сей?» – «Его ищу я, – отвечал князь, – с ним хочу беседовать, внять советам его и спросить, как могу обрести паки утраченный покой мой. Ничто в мире сем не веселит меня. Я хочу уведать, не может ли надежда мира иного расторгнуть мрака, покрывающего душу мою. Шествуем!»

«Князь! – воззвал Зонар, – отец отца моего повествовал мне об иноке Иоиле; ни с кем не беседует он, как только с людьми! Совлеки багряницу с рамен твоих, отпошь меч, щит и копие повергни долу: и тако быв человек, спроси мужа мудрого о врачевстве для ран души твоей. Иначе шествие твое тщетно!»

Любослав, движимый неким невидимым побуждением, впервые внял советам чуждым, совлек украшения блестящие и оружие крепкое и поверг у подошвы древа пустынного; оруженосцы подражали ему, и все вступили в обитель мрака дубравного.

До восхода солнечного продолжалось шествие их, и едва пурпуровые лучи вождя светил небесных озарили вселенную, они узрели долину злачную, в конце коей находилась пещера, дерном зеленым покрытая. По правую сторону оной извивался змиеобразный ручей, пенящийся по дну песчаному; по левую

возвышался крест; у подножия его виден был малый алтарь, при коем, преклонив колена, праведный Иоил воссылал мольбы свои к предвечному. Путники не дерзали прервать благоговейных подвигов мужа древнего; в робком молчании ожидали конца жертвоприношения священного, а когда восстал он, князь Любослав, оставя оруженосцев при входе в долину, подошел к нему, преклонил чело до земли и вещал смиренно: «Святой обитатель дубравы! я пришел к тебе поведать скорь души моей и просить совета: могу ли еще на земле сей обрести себе счастье? или оно уже не существует для меня в мире сем, исполненном неправды и разврата?»

Не мало мгновений праведный старец взирал на пришельца; потом, указав перстом на подножие жертвенника дернового, вещал: «Всякий несчастный есть любезный гость и сын мой. Сядь на сем камне и открой мне раны сердца твоего. Да познает врач великость болезни и тогда врачует! Владыка народа Туровского! еще есть время исцелиться: не удивляйся, что я познал тебя. Поседевший в испытании дел божиих не может не познать земного повелителя, хотя он обнажил себя от знаков власти и величия».

«Исполню повеление твое, священный житель дубравы; поведаю тебе состояние души моей», – вещал князь. Старец сел на дерн воскрай повелителя и вни-

мал словам его:

«Десять раз уже земля умирала под жезлом зимы хладной и десять раз воскресала от животворного лобызания весны вожделенной, как я, по смерти родителя моего, воссел на престоле земли Туровской. С первых лет юности моей страстно возлюбил я славу бранную; взор отрока осклаблялся при блеске мечей булатных; слух его пленялся треском копий сокрушаемых; зависть терзала сердце мое, когда внимал я хвалебным песням бранноносному Святославу или великому сыну его Владимиру или другим князьям и витязям земли Русской. Ближние двора моего юноши, мои наперсники проникли скорбь души моей и желали доставить ей успокоение. „Князь! – вещали они с доверенностью, – из светлых взоров твоих почерпаем мы жизнь и веселие; почто ж они помрачат души наши туманом уныния могильного? Что может беспокоить повелителя в прекрасных теремах его? Сила душевная и крепость телесная являются в каждом слове твоём, в каждом движении! Если красота некая уязвила браннолюбивое сердце твое, – повели, и одр твой примет ее в кроткие свои объятия прежде, нежели звезда полуночи осклабится на голубом небе. Друзей ли не достает тебе? Увы! сколь ЗЛОПОЛУЧНЫ мы, если державный Любослав отвергает сердца наши, отвергает готовность нашу источить кровь до по-

следней капли, если только возможем чрез то призвать радость в душу его и озлатить уста улыбкой удовольствия?“

„Верные друзья мои и товарищи! – отвечивал я сонму избранных, благодарение небесам, я не могу роптать на недостаток в сердцах, мне преданных; мое же сердце затворено для прелестей девических! Славы жаждет душа моя, и я истаеваю в бездействии, подобно младенцу, рано отторгнутому от сосцов матерних; но не тщетной славы мирного пастыря, хвалящегося знанием слагать песни приятные, – славы бранной жаждет душа моя!

Потомок Игоря, Олега, Святослава и Владимира не опочит в мире, доколе страны далекие и народы разноречивые не вострепещут при одном имени его и вожди их не облобызают прах ног его! Но где открою я пути к славе сей блистательной? Пагубный мир в пределах Русских возгнездился; желанные брани умолкли; витязи остаются в забвении; сила и крепость преданы невниманию. Горе мне! кто покажет путь к снисканию славы воителя; кто успокоит душу мою в ее тревожении?“

Так беседовали мы в избранном кругу друзей испытанных, за дубовым столом пиршественным, вокруг чаши меда сладкого, и в таких беседах протекли многие годы бездействия. Горесть моя с каждым днем

возрастала и наконец готова была превратиться в отчаяние, как однажды Гломар, один из мудрейших в совете и отважных во бранях с вепрями и медведями, возвыся глас, вещал мне:

„Познаю из добльственных речей доблесть духа твоего: познаю в тебе великого потомка владык земли Славеновой. Не ропщи на мир губительный, окорвавший славу твою цепями маковыми; мы должны расторгнуть их. Война, одна война может прославить имя мужа, не рожденного, подобно низкому пахарю, услаждаться постыдным покоем и негою.

Но да не признает тебя робкое малодушие соседей рушителем союза, ими любимого; изыщем способы, да другие начально воздвигнут на нас брань кровавую. Так великость их посрамления возвысит торжество наше! Достижение сей меты вожделенной беру я на свой ответ. На что и советники повелителю, когда не могут они изыскать средств к доставлению ему отрады сладостной? Вели седлать быстрых коней своих: мы отправимся на ловитву вепрей свирепых, к пределам лесов муромских, в дебрях непроходимых“.

Вещал, – все мы склонились на желанные слова его:

завучали рога, заржали кони на широком дворе моем; оруженосцы берут луки и копья, и дружина на-

ша из тридесяти всадников оставляет Туров и обратилась к дубравам соседственным...

Два дня и две ночи пробыли мы под открытым небом; звери дубравные встречали нас ревом своим, мы напрягали луки крепкие; но Гломар советами своими останавливал руки наши. Пождите, вещал он; не расточайте стрел быстротечных; я найду для них мету лучшую.

С утренней зарей третьего дня стояли мы на самых рубежах муромских. Тогда всадники наши изгнали из лесного вертепа вепря свирепого: мы устремились к нему и, по желанию Гломара, преследовали его далеко за ров пограничный; вепрь сокрылся в дубраве; я устремился вслед ему; но верный Гломар, паки остановив меня, вещал: „Не для того третий день скитаемся мы в дебрях, сносим зной дня и хлад ночи, чтобы толикой дружине обогатиться добычей вепря единого. Князь! близко время славы твоей; окажи себя достойным потомком Святослава!“

По его велению мгновенно воспылал древний яшень и дуб ветвистый. В один час пламя показалось в двадесяти местах леса, ибо Гломар повелел возжечь огонь каждому из сподвижников, рассеянных по дебрям темных лесов.

Ветр полуночный повеял: треск от пылающих деревьев наполнил окрестность; искры налетели на нивы

созревшие, и все купно воспылало. Багровое зарево раскинуло крылья свои по небу муромскому.

Вскоре от весей соседних притекли пастыри и земледельцы отчаянные. С бледными лицами взирали они на огонь и простирали к нему руки, не имея других орудий к погашению. Они как бы умоляли его сжаться над их хижинами, вблизи стоявшими. Гломар, приблизясь к ним на коне своем, вещал гласом угрожающим:

„Несчастные клятвопреступники! не господствует ли днесь союз мира между Туровом и Муромом? Не братская ли дружба заключена искони между владыками обоих княжеств? Почто же дерзнули вы вопреки условий пустить чрез рубежи свои вепря лесов Туровских и тако лишить нас славной добычи, а князя нашего желанного им увеселения? Вы еще не наказаны; если зверь, укрывшийся в дубраве сей, не будет вамп живой или мертвый доставлен на границы наши, мщение жестокое, но праведное, постигнет тогда вас, жен и детей ваших!“

Мы оставили пораженных ужасом муромцев и с веселием пустились в обратный путь. Я не мог довольно возблагодарить мудрому другу моему, Гломару, за открытие толико близкого и надежного пути к храму воинской славы. С нетерпением юноши, когда он под кротким небом ночи майской, преклонясь к тополу се-

ребристому, при каждом колебании ветвей его приятно содрогается, мня видеть идущую к нему его возлюбленную, давно ожидаемую: с таким точно нетерпением ожидал я послов от Миродара, князя Муромского. По велению моему рубежи туровскпе уставлены были полчищами юношей ратных; весь град наполнился звуком мечей, щитов и копий; везде раздавались песни победные, и я впервые опочил с сладостным биением сердца, мня вскоре видеть себя в венце победы.

Послы муромские не замедлили явиться на дворе моем; то были: старец, коего белая брада означала уже преклонность века, и два юноши в льняных одеждах, полувооруженные. Каждый из них имел по единому легкому копию, острием к земле обращенному.

Старец вещал мне: „Повелитель страны Туровской! Вина прихода нашего тебе известна; что угодно тебе: вонзить ли копня сии в землю, сокрушить ратовища и тако обнаружить добрый мир между народами; или острия их воздвигнуть кверху и дозволить брани насытить алчную челюсть свою трупами падших воителей? Ты разорил часть владений наших; пожег пашни и хижины; священная справедливость требует да воздать должное обиженному.

Миродар предает в волю твою: выдай нам три литры злата чистого или готовься встретить бурю воен-

ную. Народы отдаленные увидят тогда, куда промысл
вышнего склонит перст победы!“

Речь сия, от лица владыки Муромского ко мне про-
изнесенная, наполнила сердце мое восторгом радо-
сти. Гломар дал мне знак, и я принял вид гневный,
раздраженный.

„Безрассудный старец!“ – воззвал я с тесового
крыльца своего. – Кто может предписывать мне зако-
ны, не испытав прежде крепости мышцы моей! Вой-
на кровопролитная да решит прю мою с Миродаром!»
Послы подняли вверх остриями копья свои и медлен-
но направили обратный путь. Тогда Гломар, осклабя
уста свои, вещал:

«Юный повелитель! не известны тебе хитрость и
коварство Миродаровы. Познав, что ты ищешь сося-
заться с ним оружием, он мало-помалу будет пони-
жать бесстыдные свои требования и тако отдалять
минуту, когда должен ты венчаться венцом славы
бранной. Благоразумие требует, да одним движением
перста твоего пресечешь ему пути к миру, единому
прибежищу для владык слабых».

Он воете к спешно на коня своего и устремился со
двора княжеского. Ратная дружина ему последовала.

Вскоре узрел я паки верного Гломара. Послы Миродаровы отягчены были оковами. Тщетно вопияли они о правах своих, нарицая их божескими. Ревностный

друг мой не внимал буйным их умствованиям, и мрачная темница сокрыла их от праведного наказания за дерзость, оказанную ими в моем присутствии.

Свершив дело сие, я и воинство мое остаток дня провели в приготовлении к пути на брань свирепую. Раннее солнце озлатило шлемы наши вблизи рубежей граничных; к полудню хоругви наши развевались от воздуха муромского: толико спешно было шествие юношей, ищущих славы себе и своему повелителю.

С радостным предчувствием сердец вступили мы в землю враждебную и, не обретая никого, могущего нам сопротивиться, продолжали свое шествие. Внезапно небо померкло от стрел свистящих; топот и шум, треск и крик раздались отовсюду, и мы узрели себя окруженных ратию муромскою. Сеча была жестокая; кровь обогрила землю злачную. Всадники мои падали стремглав с коней своих; изнеможенные утоляли жажду из ручья, текущего кровию друзей и неприятелей. Подобно вепрю уязвленному, вращался я во все страны; наконец конь мой пал, и я ощутил рану в бедре моем.

«Судьба неправосудная! – вскричал я в полной ярости своей, – неужели должно мне обратиться в бег постыдный?»

Собрав последние силы, оградясь щитом и ВОЗДВИГНУВ меч, пробил я ряды вражеские и достиг

рубейшей туровских. Едва довлелся я до явора тенистого, силы меня оставили, меч и щит исторглись из рук моих, я пал на землю, и очи мои смежились бесчувствием. Падшая роса вечерняя раздражила рану мою; воспрянул я от сна смертного и окрест себя познаю Гломара и неких из друзей моих. Огни возжены повсюду; ратники, разделенные на несколько дружин, возлежали на холмах и припекали раны тяжкие. В недалнем от меня расстоянии узрел я трофеи, составленные из одежд и оружий муромских; у ног моих стояло довольное число витязей вражеских, в одеянии блестящем; руки их скреплены были вервиями.

«Праведное небо! – воззвал я, обратись к Гломару, – что значит все, мною зримое? или полчища мои?» – «Юноша неопытный! – отвечивал Гломар, заключа меня в объятия, – полчища твои рассеяны, как рассеивается прах под крылом ревущего вихря, и се зришь ты остатки их на холмах. Но почто народу твоему знать участь, тебя постигшую, когда она неблагоприятна? Чело войны изменчиво. Сей раз воззрела она к тебе кровавым оком негодования за столь долгое твое бездействие; в другой раз ослабит к тебе уста свои, как невеста к жениху. Познай, что совершил я и что свершить намерен: муромцы, видя пас, одних поверженных, других рассеянных, спокойно направили путь к своей столице. Едва удалились они, я оста-

новил ряды свои, собрал остатки воедино и паки обратился на поле битвы. По моему велению, все мертвые и раненые муромцы обнажены от одежд своих; оружие их тщательно собрано и, соединенное с оружием падших турян, воздвигло сей курган высокий.

Тогда устремляюсь я к веси соседственной, похищаю старцев, юношей и пастырей безоружных, облачаю их в одежды знатных муромцев, коих лица представят они при торжественном вшествии твоём во град престольный. Уже посланы гонцы возвестить в нем твою победу и скорое возвращение».

Облобызал я Гломара, друга верного и вождя опытного. К ране моей приложено зелие целебное. Вся ночь прошла в беседе об ужасах дня минувшего. На утро мы в торжестве двинулись к Турову; на третий день узрели высокие башни его.

Радостный вопль народа, мешаясь со звоном бубнов и кимвалов, колебал воздух. Старцы, юноши, жены и девы туровские вышли нам во сретение и усыпали путь цветами по моему велению; захваченные пастыри муромские – да не возвестят народу тайны сей победы – всенародно преданы острию меча. Взошел я в свои палаты белокаменные, и широкий двор мой покрылся пиршественными столами для воинства и народа. Яствы и пития были обильные; победные песни юношей услаждали слух мой. Торжественные огни

воспылали на стогнах градских; упоенный радостью,
возлег я на ложе свое. Колико сладостна мысль и о
победе мнимой! Что же чувствует истинный победи-
тель?

Вечер XI

«Недолговременно было торжество мое. В часы той же ночи, при свете месяца полного, узрел я окрест себя тысячи теней окровавленных. Померкшие, свинцовые очи их ко мне обращены были. Тени простирали персты с угрозами, открывали изъязвленные перси и глухим, могильным гласом шептали: „Мы невинные муромцы, падшие под острием мучительного меча твоего! Кровь наша не отмщена еще!“

Хладный пот оросил чело мое. Члены мои отяжелены, как бревна дубовые. Мозг в голове моей превратился в лед.

Мало-помалу начинаю ощущать биение своего сердца и, укрепясь бодростию, вопрошаю с гневом: „Чего хотите вы, ужасные изверги мрачного ада?“ „Твоего мучения!“ – было мне ответствовано. Не прежде избавился я от сих мрачных духов-мстителей, как по явлению в чертоге моем зари утренней.

Но почто, праведный старец, удручать слух твой, обыкший внимать пению херувимов, обильным повествованием моих горестей? С ночи той ужасной до сего времени враги мои меня не оставляют. В каждую ночь, едва возлягу я на ложе свое, они являются и время от времени становятся дерзостнее, неукроти-

мее!

Бедствие мое поведал я верному другу моему, Гломару; удивление его было несказанно, и он вину всего возложил на мое малодушие. Изнемогая под тяжестью скорби, обтек я тщательно все храмы туровские, щедро раздавал дары обильные на украшение ликов угодничьих. чая получить и не получая облегчения.

Се зришь – я пришел к тебе. Если и твои молитвы не спасут несчастного, ему ничего не останется, как, повергшись в без апу отчаяния, совершить тако бедственную судьбу свою!»

Князь Любослав умолк. Он устремил в землю взоры свои и не дерзал воззреть на старца. Сей, пребыв некие мгновения в равном молчании, вещал:

«Державный повелитель земли Туровской! Прежде, нежели постигли тебя ужасы ночные, ты должен был помыслить, скольким ужасам дневным и ночным предавал ты на жертву своих подданных во вес дни своего владычества? Ты жаждал славы. Похвально было стремление души твое!!.

Но разве слава приобретается хищением и убийствами? Какой злой дух внушил тебе сию мысль позорную? Не для того меч дан мужу сильному, чтобы поражать слабых и невинных; но да обороняет их от неправедных! Что есть князь славы? Он есть благодетель своих подданных! Кто жестоких честолюбцев на-

зывает славными? Нашлось ли хотя одно сердце, которое во внутренности своей благословляло бы неистового Нерона^{14}, безумного Калигулу^{15}, свирепого Тамерлана и бесчеловечного Аттилу!^{16} С ужасом и достойным проклятием произносятся имена сих извергов рода человеческого, и небесное проклятие опочивает на костях их до скончания веков! Неужели плавающее в крови человечество воздвигнет алтари чудовищу? Если бы ты дошел до такого безумия, что, подобно древнему Македонцу, коему гнусное ласкательство присвоило имя Великого, не ужаснулся наречь себя единственным сыном миродержателя^{17}, неужели возмпишь, что чернь, приносящая тебе жертвы, в самом деле боготворит тебя? Знай, честолюбивый юноша! почтеннее, стократ слаще остаться в хижине благим, добродетельным человеком, чем видеть воздвигнутые себе алтари, в коих будут поклоняться тебе, яко богу злобному, ненавистному. Что может прельщать тебя в участи дерзкого Светоносна, поставившего престол свой на Севере, напротив престола бога вседержителя, и после низверженного в пучины гееннские? Таковой-то славы жаждала душа твоя!

Итак, если ты хочешь исправить пути свои и быть счастливым, внемли, рассуди и повели: коварный по-

творник слабостей твоих, Гломар, со всею дружиною любимую, да изженется навсегда от двора твоего княжеского!»

«Как! мой друг, мой верный друг, Гломар!» – вскричал князь в недоумении и горести.

«Он самый! – отвечивал старец. – Он есть такой же друг тебе, как эдемский змей праматери Еве, когда он прельстил ее вкусить от плода познания добра и зла. На чреду Гломара^{18} возведи мудрого Дорада!» – «Как! того мужа сурового, который никогда не является ко мне без упреков?»

«Не делай преступлений, и упреки исчезнут! После сего иди ко князю Миродару; склони пред ним выю свою; награди семейства, тобою разоренные, заставь оные обилием своих благотворении забыть обиды, тобою учиненные; и тогда, надеюсь на благость небесную, ты можешь ожидать облегчения в своих горестях».

Князь вещал: «Таковое самопзвольное покорство пред князем муромским не покрое ли стыдом мою диадиму и не унижит ли славы моего народа?»

«Никогда! – верх славы порфиноносца есть смирить себя в деле неправом. Такое пожертвование своим кичением любезнее пред взором судии звездного всех жертв твоих и коленопреклонений. Он воззрит к тебе оком отеческим, и ты примиришься с оскорблен-

ным человечеством».

Вещал древний пустынножитель, и князь познал мудрость его советов. С благодарными слезами на очах пал он на выю его, и старец, исполненный духа провидения, сказал: «Сын мой! не истребляй теперешних чувств твоих, и ты будешь благополучен. О Любослав, потщись увериться в душе своей, что промысел вышнего не с тем посылает земле образ власти своей в равных нам сочеловеках, чтобы они искали мнимой славы в убийствах и опустошениях. Сын мой! каждая слеза подданного, невинно пролитая тобою, взвешена будет на весах бескорыстного правосудия. Сколь многими, сколь горькими слезами должен будешь некогда смывать следы своих заблуждений!»

Князь исторгся из объятий мужа священного и потек в свою столицу. Едва вступил он на пространный двор свой, повелел приблизиться к себе Гломару и избранной дружине его. Не знали тогда князи Российские ничтожной политики, греками изобретенной, чтобы отдалять от себя неверных подданных, не дерзая объявить вину своей немилости. Князь сам возвещал и гнев свой и милость. Любослав произнес пред всеми двора своего к Гломару речь сию:

«Ныне уверился я, что ты не можешь быть другом венчанного. Если б я был один из подданных, ты бы

мог быть приятнейшим моим собеседником; но я повелитель, и ты не можешь быть другом моим; ибо любить одного меня, а не целое отечество, коего главою поставлен я по воле провидения. Ныне признаю, что любящий в государе одного человека, не должен быть к нему приближен. Самая дружба, без всяких презренных побуждений корысти и любочестия, делает уже его льстецом опасным. Лстец, приближенный к повелителю, есть ядовитый змеи, коего ласканием никто верить не должен. Гломар! запрещаю тебе казаться взору моему совокупно со всею твоею дружиной; строгий муж, правдивый Дорад, да примет звание первенствующего вельможи при княжеском дворе моем».

Веления князей не коснели без исполнения: Гломар оставил Туров, и Дорад воссел на позлащенном стуле, в чертоге Совета. Вверив неутомимому Дораду бразды туровского правления, облеченный в броню ратника неизвестного, в сопровождении Велькара и малой дружины, Любослав оставил чертоги свои златоверхие, оставил врата туровские и устремился к лесам муромским.

Солнце небесное распустило уже власы свои багровые по небу вечернему. Оно готово было погрузиться в недра мрака вечернего. Унылый князь сошел с усталого коня своего и повелел у корней сосен и елей

готовиться к проведению ночи. Мало-помалу ночь возлегла на лесах, холмах, долинах.

Князь вещал: «Не удивляйтесь скорби, наложившей печать свою на чело мое. – Целый день провели мы в путешествии, и ни одного туровца не встречали взоры наши с улыбкой веселия; всякий из них видел во мне своего повелителя, и все, издали узрев меня, укрывались в густоте древесной, как бы при встрече вепря лютого»,

«И сие кажется дивно тебе, князь?» – спросил Велькар с пасмурным взором.

«Не могу не удивляться; когда я с Гломаром исходил на ловитву вепрей и медведей, подданные мои стремились ко мне во сретение; восклицали радостными гласами, лобызали стремяна у подошвы пят моих; веселие встречало меня и сопровождало до отдыха вечернего».

«Ныне, – отвечивал Велькар, – ныне истина начала тебе открывать чело свое. Или не сведем ты о средствах, употребленных для того, чтобы исторгнуть у народа знаки радости, прежде изъявляемой народом пред тобою? Познай же их: едва восседал ты на коня своего, а уже послушники Гломаровы, вооруженные бичами свистящими, рассыпались по граду: ударами принуждали мужей и жен идти тебе во сретение; научали их словам, каковые они должны были

произносить пред тобою. Шуйцею отирая обильные слезы горести, десницу простерши к тебе в знак радости, окостенелым от ужаса языком они восклицали: здрав буди, князь благодетельный! И едва ты сокрылся, они падали на колена, воздевали длани к небу миротворному и с рыданием восклицали: „Боже праведный! или исправь его, или нас от него избави!“»

Князь погрузился в думу тяжкую, и желанный сои далеко отлетел от места успокоения.

Протекли все пространство земли Туровской, и князь был встречаем одними зверями дубравными. Горе повелителю, когда подвластный ему народ страшится его!

От самых рубежей до града Мурома зрели они явления иные. Пастыри спокойно отдыхали при стадах своих и возвещали о страхе своем только при появлении волка или медведя. Витязи муромские, поражающие зверей кровоядных, познав в странниках послов Любослава, забыли вражду свою и обиды его. С братскою приязнию приветствовали они странников. Любослав вступил в чертоги Мпродара и обрел старца, возлежащего при трапезе. Подле него, с правой стороны, восседали вожди и старейшины; с левой дочь его единственная, голубоокая Гликерия, с подругами своими и нянями. На ланитах ее отливали розы весны пятнадцатой.

Любослав вещал: «Повелитель земли Муромской! Державный владыка наш желает тебе мира и здравия. Если ты в чем обижен от него, он воздаст должное удовлетворение; ибо сердце его не жестоко, Возвести, чего хочешь ты, и он склонится на твое хотение. Он хочет от тебя взаимно мира и дружбы долгодетней!»

Престарелый Миродар ответствовал: «Послы неразумные! Неужели думаете вы, что князь, любимый народом, когда-либо может быть оскорблен иноземцем. Сердца подданных есть такой щит, которого никакие копья пробить не сильны! Не я обижен Любославом, но он сам собою. Так! он истребил часть лесов моих, разорил несколько моих подданных, но они нимало не несчастны. Для чего ж владею я народными сокровищами, как не для вспоможения им во время нужды? Се дочь моя – Гликерия! Зрите ли хотя одно украшение на ней от золота, Маргарит и камней цветных? Одна роза, возникшая под рукою ее, украшает грудь девическую. Из сего познайте вы, что даровать мне мир Любослав не властей. Я в мире сам с собою и с моим народом! Какого ж мира еще он может желать мне?»

«Но, – вещал удивленный Любослав, и смятение разлилось по высокому челу его, – он требует от тебя мира и дружбы!»

«Дарю мир, но не дружбу! быть другом честолюбцу и неразумному, неограниченному – и вредно и поносно».

«И се последние речи твои?»

«И твердые, как сен меч, висящий при бедре моем».

Любослав, преклонив выю, взшел из чертога с унынием.

Дружина его за ним. Шли они посреди двора, и се настигает их чашник княжеский: «Мужи туровские! – воззвал он, – и вы и кони ваши от дальнего пути утомились. Миродар приглашает вас опочить в сей храмине, на дворе его. Вкусите яств его и испейте меду сладкого. Князь наш обык не отпускать со двора своего утомленными и тех, коп притекают к нему с объявлением войны жестокой. Неужели сделает то с вестниками мира?»

Предложение принято с доброхотством. Три дня провели они в пиршествах. Любослав, восседающий за столом княжеским, с каждым мигом пролетающим более и более впивая в себя отраву любви из светлых взоров княжны прелестной. Познал Велькар новую язву сердца его, и князь поведал ее причину.

«Бежим, князь, – вещал он, – бежим поспешно, пока есть еще возможность. Миродар никогда не склонится наречь тебя сыном своим: толико и одно имя твое

ужасно дли его слуха. Тщетно будешь ты истаивать в мучительном томлении и луч отрады не осветит мрака души твоей».

«Или погибну – или буду обладать красами Гликерии!» – сказал князь с решимостью и удалился в чертог покоя.

Но покой удалился от ложа его, и дремота сладкая не посетила вежд князя томящегося. Тысячи предприятти вращались в мыслях его. Едва останавливалась решимость его на одной мысли, внезапно с другой страны являлось сомнение; он отвергал первое и устремлялся к последнему.

Тако страждущий пловец, сражаясь с волнами моря бурного между обломков корабля разрушенного видит доску утлую слабую держать его на зыблющемся хребте бездонной влаги, и объемлет оную с веселием. Он оставляет ее поспешая к древу огромному. Оно сильно сдержать его но длани человека не могут обнять во всю толстоту его: они скользят, и несчастный по необходимости предается на произвол ревущей бездны.

В таком состоянии духа был Любослав недоумевающий, как златое солнце простерло взоры свои в чертог покоя. Велькар с дружиною явился внять повелениям владыки своего и князь воззвал: «Идем в чертоги Миродаровы.

Хощу испытать, конец ли моим бедствиям или неумолимая лосете судьба до конца пролиет на меня фиал гнева своего^{19}». – Они приблизились к высокому престолу князя Мупомского, и Любослав вещал:

«Цержавный повелитель Муррома! Доволен я твоим упщением много обязан твоею ласкою. Но истинная вина моего прибытия доселе тебе не известна. Достоинства несравненной дщери твоей достигли до слуха моего повелителя. Он хочет сохранить с тобою мир и дружбу на времена грядущие.

Любослав моими устами предлагает тебе желание сердца своего разделить с нею престол и судьбу свою! Что возведу я владыке Туровскому?»

Миродар пребыл в молчании. Взоры его обращались перемененно то на мудрых советников и на милую дщерь свою, то на вестника Любослава. Наконец он отвечает:

«Возвести благодарность мою владыке Туровскому за его добрые мысли о дщери моей. Но купно уверь его, что она не создана сделать его благополучным. Она воспитана посреди мирных теремов моих и никогда не слыхала звука трубы бранной. Подобно юной незабудке, цвела она под питательною тению любви родительской. Сердце ее ужасается природной мысли о кровавых подвигах. Любослав жаждет славы бранной, и громкие вопли победные нежат

слух его, как журчание ручья кроткого услаждает путника во дни знойные».

Любослав вещал: «Повелитель мой пременял путь ко счастью. Душа его жаждет теперь тишины благословенной.

Когда соединит он силы свои с силами муромскими, тогда хищные соседи не дерзнут поднять против кого-либо из вас копий брани, и так мир крепкий оградит сепию своею оба княжества и их повелителей!»

«Что возвестит на сие дочь моя?» – рек старец, обратясь к Гликерии.

«Родитель мой! – вещала княжна с преклонными взорами, и ланиты ее покрылись белизною лилии, сердце трепетало сильно в груди прекрасной. Родитель мой! если и теперь будешь ты ко дочери своей толико ж милостив, колико был доселе, если насилие противно сердцу твоему, чуждо твоему родительскому, доброму сердцу, то не делай меня несчастною! Соединение с князем Туровским погубит меня, как погубляет блеск молнии едва возникшую из матерних недр земных юную незабудку».

«Не огорчу дочери единственной, дочери любимой, – рек князь и восстал с седалища. – Возвести о сем твоему повелителю».

Гликерия поверглась в отеческие объятия; советники радостно воскликнули. Любослав исторгся из чер-

тога с дружиною; мрачная туча сердечной скорби по-
крыла чело его.

Вечер XII

Повелеть громам, пробегающим по верху утесов кремнистых, да умолкнут; или палящему перуну, да сокроет в облаках свинцовых смертоносные очи свои; или вихрю неукротимому, да сложит на чело земли крылья свои быстропарящие, возможно власти единого миродержателя!

Повелеть буйному движению сердца своего, пылающего гневом или мщением, да укротит порывы неистовства; или духу своему, мятущемуся кичением любочестия, да смириг его браздою любомудрия; или предрассудку закоренелому, да откроет очи дремавшие и узрит истину в свете ее, достойно мудрости мужа великого!

И таков, ко славе своей и счастью народа подданного, явился Любослав и в духе и в сердце своем. Под различными предлогами отдалял он день своего отбытия из Мурома.

Миродар был доволен его присутствием. Любослав повествовал ему и дочери его о доблестях ратных великих предков крови Славеновой, о их презрении к бедствиям, скромности в торжествах победных.

Миродар ослаблял старческие уста свои и наконец сказал: «Поразить злодея, умышляющего на на-

шу свободу; презреть пораженного и даровать прочный мир народам; в сем только полагаю я истинную славу мудрого ратоборца».

Наконец Любослав оставил чертоги Миродаровы. С каждиш мигом, отдалявшим его от стен Мурома, гордость и надменность его исчезали. Достиг он рубежей туровских и воззвал к дружине своей: «Друзья мои и сподвижники! Да будете вы свидетелями клятвы вашего повелителя. Отныне славу свою да поставлю я в обладании народом счастливым; богатства мои да измерю любовью народа моего; победы мои да взвешаются на весах великодушия! Не сокрылось от взора моего, сколько в области Туровской полей невозделанных, лесов неочищенных; ибо руки, долженствовавшие управлять плутом и секирою, отягчены были мечами крепкими и копьями ^{20}дебелыми: суетное украшение чертогов княжеских! одна любовь народа да будет отныне моею стражею!

Да изженутся из столицы моей певцы польские и плясавицы богемские! Они питались потом моего доброго народа. Богатства мои бесчисленны: да идет один из вас и и: рубежах женолюбивых греков обменяет их на золото, и серебро, и сельские изделия. Познаю мудрость Миродара: все мое – не есть мое, а моего народа; я страж верховный и распорядитель его сокровищ».

Так вещал Любослав, и сопутники восслали молитвы к богу милосердия за премену сердца его, толико вожденную.

О, колико могущественна любовь в сердцах открытых, в душах мечтами невозмущенных!

Златовидное солнце бросало уже багряные лучи свои на вершины дубов и вязов, и князь, среди мрачной дубравы, совсем неожиданно узрел селение многолюдное. Там, где дикие вепри и медведи основали древле жилище свое, ныне ликовали мирные пастыри и оратаи. Старцы, увенчанные класами пшеницы, возлежали при корнях древесных. Юноши и девы веселились в плясках отцов своих. Отроки, украшенные цветами сельскими, стояли подле старцев с сосудами меда пенистого. Сладкие звуки свирелей окрест раздавались.

Един от старейших, узрев прибытие воинов незнаемых, вещал: «Кто бы вы ни были, странные витязи, воссядьте с нами. Се день торжества по окончании жатвы; се день благодарности нашей к богу милосердному и к князю Любославу, ущедрившему нас миром и счастием!»

Едва произнес он слова сии, сонм юношей возгремел в пении: «Да будет первая хвала богу великому и всеблагому, вторая – князю мудрому и милостивому. Долго стенали мы под тяжестию лат железных и не

могли воззреть на солнце божие из-под тени шлемов наших. Се повелел владыка Туровский, и мы паки в объятиях родства, дружбы и отчизны».

Девы ответствовали им кротким, упоевающим пением:

«Долго сердца наши жертвовали тоске о вашем возвращении. Тонки и ломки стебли розы и лилии; настанет буря свирепая, куда они преклонят распускающиеся недра свои, если широколиственный дуб не укроет их под щитом крепости своей? Да будет первая хвала наша богу, вторая – князю!»

Крупные слезы пали из очей князя и струились по его ланитам. В первый раз познал он, сколь сладостно мужу венчанному быть между его народом во образе бога благости! Но он не постигал, как мог заслужить любовь всеместную, когда едва только предпринял о том помыслить.

Два дня шел он путем своим, и верхи стен Туровских возблистали. На каждом шаге зрел он подданных счастливых, веселящихся о князе своем.

И се железные ворота столицы отверзлись. Старцы, мужи, жены и девы с отроками изшли ему во сретение. Седовласый Дорад, приблизясь к нему, вещал:

«Велик бог! О, князь земли Туровской. Я раб твой и готов облобызать прах ног твоих; но ты благороден, я люблю тебя: дозвожь пасть на выю твою. Под сим

отверзтым небом, при взорах сего народа, я дам отчет в управлении моем твоим достоянием. Ни злата, ни серебра, ни тканей драгоценных, ни камней самоцветных нет у тебя более: все обращено на пользу, а не на суетность. Все обменял я на любовь к тебе народную!»

В величественном молчании князь низшел с коня своего, преклонил колена пред изображением божим, держимым в руках верховного священнослужителя, и воскликнул:

«Турине! народ храбрый, великодушный! Я, по богу, отец ваш. Дорад! благородный муж и друг мой! я буду в собственных глазах достойнее, когда удостоюсь получить от тебя имя друга и брата младшего!»

Проходя широкий двор свой, князь с удивлением увидел крайнее малолюдство. «Где же, – воззвал он, – телохранители мои многочисленные? где псари мои? где трубачи, всегда встречавшие меня у прага чертогов?»

«О, князь! – вещал Дорад, – всех зрел ты у врат двора твоего. Все излишнее, а потому и вредное, удалено от чертогов твоих. Я желал, чтобы телохранителями твоими были – все туряне, а ныне все они таковы. На что тебе звуки трубные? Глас любви народной стократно любезнее.

На что тебе шуты дворцовые? Кто любим, тот не

имеет нужды в постороннем рассеянии».

По крыльцу тесовому взошли они в чертоги про-
странные. Удивился князь, узрев послов всех сосед-
них князей и даже от стран отдаленных. В знак че-
сти достойной преклонили они главы свои, и един из
них вещал: «Здравия и долгоденствия могущему Лю-
бославу, владыке Туровскому, желает повелитель мой
и весь народ его! Се посылает он тебе дары свои и
хочет слова твоего княжеского о продолжении к нему
дружбы братской и мира для его народа!» «Уста его
изрекли и наши слова», – воскликнули другие послы
и предложили дары свои.

Любослав ласково принял предложения, повелел
одарить каждого по достоинству и отпустил их, воссы-
лающих ему хвалу и благодарение.

«Князь! – начал речь Дорад седоглавый, – се зришь
ты разность между истинным и мнимым величием.
Кто из владетелей российских искал доселе союза
твоего и дружбы, когда ты появлялся народу, окружае-
мый стеною твоих оруженосцев? Днесь, когда нет при
тебе ни единого телохранителя, днесь присылаются
к тебе послы от стран далеких, да испросят и мир и
дружбу! Какая вина сему? Они познали, что теперь
ты могущественнее всех их; ибо весь народ твой есть
твой сильнейший телохранитель!»

Успокоясь от пути дальнего, князь воссел на пре-

столе правосудия. Чертоги его были открыты всякому, не взирая на одежды златотканые или рублища ничтожные. Всякая неправда, пред лицом его произнесенная, достойно была наказана. Вскоре poznали все, что князя Любослава обманчивою личиною обольстить невозможно, и преступления постепенно умалялись, и к исходу зимы суровой князь не зрел уже у подножия престола своего ни обвиняющих, ни обвиняемых. Одни друзья избранные, с искренними сердцами и светлыми лицами, окружали блестящий престол повелителя.

Воссияла весна желанная на лоне земли Туровской и кроткою рукой украсила холмы и долины, травю злачною и цветами прелестными. Забилось сердце повелителя с новою силою, – он вспомнил о Миродаре и о любезной дочери его.

«Седлайте быстрого коня моего, – возвал он к Велькару и дружине, завтра идем в страну Муромскую, к доброму князю, Миродару гостеприимному».

Паки седовласый Дорад принял в руки свои бразды правления. Князь и спутники его отправились путем своим.

Шествие их было мирно; хвалебные песни встречали их; благословения сопровождали.

Быстрокрылая молва, носясь по весям и дебрям, по холмам и долинам, возвестила всем о вступлении

князя Любослава в пределы земли Муромской. «Благословенно шествие его, – вещал Миродар, обратясь к друзьям своим. Ныне повелитель Туровский переменился; из надменного, гордого юноши он учинился примером вождей и повелителей. Если он и до сих пор не охладил любви своей к моей Гликерии, я, испрося благословения у небес, вручу ему руку ее и нареку любезным сыном своим! Идите, оруженосцы, ему во сретение. Поведайте, что врата двора моего отверзты и готовы столы мои с яствами обильными и питием сладким!»

Пала хладная роса вечерняя на лоно розы пустынной.

Зарыдала Гликерия в девическом тереме своем. На влажных ресницах ее плавали сребристые искры месяца светлого; она вещала к нему: «Прелестен взор твой, светило любезное; катишься ты на равнинах неба безоблачного! Никто не совратит тебя с пути избранного. Такова цвела я доселе, в чертогах отца моего. Но что зрю я? Почто ты дозволяешь облакам мрачным расстилаться по светлomu челу твоему?

Ах! видно и над тобою власть высшая».

«Прелестная княжна! – вещала к ней верная мама ее. – Что значит скорбь, носящаяся на лице твоем? Колико счастлива ты, если князь Туровский изберет тебя супругой!

Прелесть власти и господства украсит жизнь твою». – «Увы! – Гликерия ответствовала. – Стократно была бы я счастлива, не быв дщерию повелителя! Познай, верная подруга детства моего и наставница, – скорее сойду я во гроб, чем опочию на ложе Любослава. Сердце мое невольно отдалось иному. Обладатель его есть бывший у нас вестник двора Туровского. Почто родитель мой дозволил мне видеть его? Почто ежедневно угощал его за столами нашими?»

Болезнующая мама идет в чертог своего повелителя тайными входами и поведаёт ему состояние души дщери его прелестной.

Несказанно поражен был князь во глубине души своей.

«Что предприимлю я? Кого огорчить вознамерюся? Благородного ли соседа моего, князя Любослава, или дщерь единственную? В каком затруднении бывает иногда сердце родителя!» – Часть ночи провел князь в совещаниях с своими друзьями, и звезда утренняя нашла его бодрствующим.

Наконец вещал он: «Не забыл я слов родителя моего, вещавшего устами предков своих, что повелитель миров, если провидению его благоугодно поразить сердца смертных горестию, избирает предметом гнева своего мужей крепких.

Они поразятся, но не падут под ударом поражения.

Сердце жены есть стекло ломкое: оно прекрасно, доколе не сокрушено; малейшая неосторожность – и его нет. Откажу Любославу в его требовании. Народ мой сжалится над старцем венчанным и не возропщет. Любослав мудр и не восхощет умножать моих горестей».

Тако рек князь, и широкая дверь храмины его отверзлась быстро. Окруженный юношами туровскими, Велькар является в броне блестящей. Он предстает князю и вещает:

«Мир и благоденствие и владыке и народу Муромскому!

Князь земли Туровской, повелитель мой, притек уже на широкий двор твой; но пиршества твои ему не надобны. Дотоле не сойдет он с хребта ратного коня своего и не вступит в светлые чертоги твои, доколе не наречешь его желанным зятем своим. Если сие не угодно тебе, он обращается вспять; но пребудь покоен, и желания отъезжающего будут исполнены сердечного желания тебе мира и благоденствия».

Умолк. По некотором размышлении Мпродар ответствовал:

«Если бы соизволения судьбы сопровождали всегда желания смертных, то участь их была бы подобна блаженству жителей неба. Объяви повелителю твоему и дружбу и любовь мою братскую; но дщери моей

не отдам ему. За счастье принял бы я от неба возможность иметь Любослава сыном своим; но он не восхощет насилия: сердце дщери моей передано уже Радиму, бывшему послу его при дворе моем. Клянусь прахом отца моего, Радим будет супругом Гликерии и наследником престола муромского».

Вняв речи сии, Велькар улыбнулся. Не сделав обычного преклонения пред повелителем, быстро исторгся он из храмины. Негодование разлилось во взорах князя и советников. Таковая дерзость была неслыханная, и Миродар предвидел в ней ясное объявление войны кровавой. В кротком сердце его вращались чувства различные. Как соединит муж добродетельный две противоборствующие страсти:

любовь ко дщери и любовь к народу! Он зрел милую Гликерию, со слезою восхищения восходящую на ложе брачное; но, увы! ложе сие плавало в крови народа, и огонь свирепствовал в чертогах.

Не мог он произнести еще ни единого слова, как является витязь величественный, в стальной броне, украшенной серебром и золотом. Вокруг тяжелого шлема его иссечена была хитрою рукой золотая диадима княжеская. Приблизясь к князю, преклонил он колени и вещал: «Если правдивы слова твои, повелитель Муромы, что сердце Гликерии прелестной склонно к Радиму, то сей благополучный смертный предстоит пред

тобою. Познай в госте твоём, Радиме – Любослава Туровского!»

Восстал он. Миродар с радостным криком пал на выю его. Витязи и советники восплескали; веселые трубные звуки раздались повсюду.

Скоро вняла Гликерия вине толикой радости, и сердце ее, дотоле оледенелое, сладостно затрепетало в груди лебединой.

В тот же день благословение священнослужителя соединило их узами любви и счастья.

Так Любослав познал наконец, что единая кротость и милосердие к народу могут осчастливить повелителя.

Протекли дни пиршеств обычных, Любослав оставил веселые чертоги Миродаровы, потек ко граду отеческому и с кроткою, прелестною супругою воссел на престоле отцов своих. Явился к нему праведный пустынножитель Иоил и вещал:

«Благословение неба и земли да почиет на главе твоей, повелитель! Днесь уверилась душа твоя, что не в победах бранных, не в торжествах кровавых, не в имени завоевателя приобретается счастье владык земли! Пройдут месяцы и годы, пройдут веки целые; медь и мрамор сокрушатся, истлеют кости и в прах обратятся; все исчезнет, кроме воспоминания добродетели или злодейства. Отдаленнейшее потомство или

прославит или предаст проклятию души наши».

Блажен, стократно блажен тот, кто целыми племенами, по разрушении земного бытия своего, от беспристрастного потомства наречен будет добродетельным! Истинный, великий судия мира не отринет его от отеческих взоров своих.

Вечер XIII

ИГОРЬ

Быстротекущие крылья твои, о счастье! Полет твой есть полет молнии! Кто из сынов и дочерей земли дерзнет подать законы твоему стремлению? Кто из великих мира сего наложит цепи на легкокрылые ноги твои и прикует к жизненной колеснице своей? Никто, ниже из багряноносцев^{21} земли Славеновой! Единый перст обладателя вселенной указывает пути полету твоему, вратящееся счастье!

Туманом покрыты были власы востекающего над градом Киевом Световида. Сизый Днепр с глухим ревом медленно катил в берегах волны свои; умолкло пение птиц сладкогласных. Один вран чернокрылый издавал вопли по дубраве, и хищный волк вторил ему грозным завыванием.

Востекла юная супруга воющего Игоря, князя Киевского, прекрасная Ольга, с одра златотканого. Мрачными взорами узрела она с высокого терема своего и горы и доли киевские, и волны днепровские, и дубравы тенистые. Воздохнула она об отсутствии супруга своего, ратующего в пределах земли Древлянской. Давно уже златоверхий терем ее обезлюдел,

и ложе брачное охладело.

«Друзья мои и советники, – вещала она к избранным старейшинам двора Князева, – сердце мое ноет в груди мятущейся, и слезы текут из очей моих, дабы, подобно перловому ожерелью ^{22}, унизать выю мою. Горькое чувство скорби непредвидимой ослабило руки мои, и я не могу простерть их для объятий юного Святослава. Знамения утра сего суть отголоски ночи той, в которую узрел меня впервые Игорь воинственный. Ах! они были тогда предтечами моего счастья; теперь должны быть, по вещанию премудрых, вестниками горести безутешной! Внемлите словам моим и, если можно, советами своими утешьте сердце жены любящей и любимой.

Ревел мутный Волхов в берегах своих; молнии терзали покров неба ярящегося; град сбивал ветви с дубов и елей долговечных; гром рычал среди областей небесных ужасно и заглушал рев бесчисленных стай медведей, обитателей лесов великого Новаграда. В дожде беспредельном горько рыдала природа, подобно сетующей невесте, грядущей за гробом жениха своего, несомого с поля брани.

В утлой хижине отца моего обитала я на берегу Волхова. За две весны пред тем сошел он в могилу, оставя мне хижину, ладью и сети рыболовные – все достояние рыбака убогого. С трепещущим сердцем, пре-

клонив колена, воссылала я мольбы пред скудельным изображением^{23} Перуна громовластителя. Мгновенно дверь хижины растворяется, – и, при непрерывном блеске молнии, я зрю юного витязя, в броне серебряной, опоясанного мечом грозным. Ни сам свирепый Вий¹³ не потряс бы толико робкого сердца моего своим появлением.

„Дщерь славенская! – вещал витязь, – не покрова ищущу я в хижине сей; сердце твое да успокоится! Воинства, мною предводимые, как скоро Зимцерла осветит мрачную ризу ночи сей, сразятся с врагами отечества. И враги и друзья на другом берегу Волхова. Без меня, вождя своего, рассеются они по дубравам и долинам, как стадо голубей от стада вранов хищных. Громы и молнии, бури и сумрак не воспятят вождю Росскому притечь к воинству своему в часы битвы кровавой; я должен быть на другом берегу. Знаю, сколь мышцы твои слабы рассекать веслом волны пенистые; я управлю ладиею; ты объявляй мне путь, по коему может течь она, не подвергшись мелям и преткновениям“.

Мы взошли в ладью малую. Витязь напряг крепкие мышцы свои и по моему указанию рассекал волны свирепые. Долго боролся он с враждебными стихия-

¹³ Славенский бог ада. (Примеч. Нарезного.)

ми; наконец – благодарение грозному Посвисту¹⁴! восходящее из-за туч солнце осветило нас на другом берегу Волхова. Витязь долго взирал на меня взором внимательным и спросил потом:

„Имя твое, прелесть незнакомая?“

„Ольга, имя мое“, – ответствовала я; и непонятный трепет разлился в груди моей; и я чувствовала пурпур, озаривший мои ланиты.

„Кто располагает твоею участью?“

„Воля богов небожителей!“

„Богиня Лада не венчала тебя розовым венком своим?“

„Девический пояс мой не разрешен еще“.

При сем витязь снимает с себя цепь золотую, возлагает на выю мою и гласом, подобным гласу арфы сладкозвучной, вещает мне: „Ольга! я странник здесь и ничего не имею оставить тебе в знак памяти за твою услугу! Бреги цепь сию.“

Если я паду теперь на битве кровавой, ты вручи ее жениху своему; если же останусь победителем, не замедлю явиться к тебе и обмену залог сей другим, тебя достойнейшим. Взойди в ладью свою и спеши в хижину. Скоро брега сии застонут от воплей поражающих и стонов пораженных“.

Так вещал витязь, запечатлел поцелуй на ланите

¹⁴ Славенский бог ветров.

моей и скрылся в чаще дубравной. Медленно плыла я по укротившимся водам Волхова; течение струй его направляло ход ладии моей: ибо возможность управлять веслом моим забыта.

В продолжении двух грустных дней, от зари утренней до зари вечерней, склоняся на пень дуба древнего, сидела я на берегу мутного Волхова. Прелестный Погода¹⁵ развевал власы мои по груди трепещущей. Цветы благоухали; кроткие волны резвились в объятиях берегов своих; но я ничему не внимала. Блуждающие взоры мои обращены были на отдаленные леса и горы, отколе чаяла я узреть или любезного витязя, или величественную тень его: ибо он при расстании нашем обещал мне или го пли другое. Мне казалось, что прощальный поцелуй его все еще пылал на моей ланите.

Настал и третий день, и при восшествии на небе нашем светила великого вняла я громким воплям на берегу отдаленном. Сердце мое содрогнулось, и я не дерзала возвесть взор свой на место опасное. Постепенно гул, шум и говор людской, ко мне приближающийся, меня ободряют; я восстаю от дерна цветущего – и зрю у ног моих витязя, мне любезного. Он окружен был мужами доблестными, в доспехах ратных. Изумление мое было неописано. Он берет цепь свою с выи

¹⁵ Зефир славенский (Примечания Нарезного.)

моей и возлагает на свою. Снимает перстень с руки своей и, вручив мне, взывает: „Се залог благополучия славян и их племени. Ольга, сегодня будешь ты моею супругою! Я – Игорь, повелитель великого Новаграда и всей земли Славеиской“.

В полубесчувствии пала я в объятия витязя державного; последовала за ним во град великий, в чертоги княжеские, и с слезящим взором благодарности к богам покровителям воззрела на восходящую звезду вечернюю с высокого ложа Игорева».

Быстротекущие крылия твои, о счастье! Полет твой ест! полет молнии! Куда отвращаешь ты ясные взоры свои от ложа Ольги державной?

Пыль подьёмлется высоко на дворе княжеском, и задыхающийся вестник, вторгшийся к княгине, вещает: «Бери на руки младого сына своего Святослава и теки во сретение отца его. Он с дружиною стоит пред вратами града Киева. Грозно чело его, подобно туче, и безмолвны уста, кажется, предвещают удары гибельные. Иди ему во сретение».

Прижав юного сына к родительской груди своей, поражённая Ольга, в сопутстве бояр и детей их, исходит со двора княжеского.

Быстро протекает она стогны града обширного и является на берегу Днепра быстротечного.

Храбрая дружина узрела ее, и глубокий стон раз-

дался по долине. Мрачные взоры воинов и крепкие руки опустились. Они разделили ряды свои, и се — на песку сыпучем, на четырех железных щитах распростерт был витязь, подобно крепкому кедру, падшему при корне от удара громового. Бледны были ланиты его; блестящие некогда доспехи покрыты пылью и кровию; сомкнувшиеся уста, казалось, грозили еще врагу дерзновенному; глава его покоилась на златом щите; у ног его лежали копие, меч и колчан без стрел.

Приблизилась Ольга к смертному одру витязя, преклонила колена, облобызала уста хладные, очи помертвелые, рану на груди, облитую кровию, и, встав, рекла к воинству:

«Идем ко граду престольному! труп его хочет тризны, дух его алчет мщенья! Тень великая, успокойся. Ольга доставит тебе и то и другое».

Она восстала в безмолвии; воины подняли на рамена свои одр витязя и обратились к Киеву. На челе Ольги не видно было ни черты горести; во взорах ее ни тени печали.

Толико беспредельны были и горечь и печаль Ольги державной.

Познал Киев потерю свою невозвратную, и вопли скорби и сетования разлились на широких стогнах его. Быстро отверзлись врата железные, и мужи, и старцы, и жены, и девы, подобно валу Днепру, гонимому

крылом Посвиста, пошли на сретение дружины ратной. Воззрели они на одр высокий, и вопли и стоны потрясли ветви дубов и вязов прибрежных. Они воспели песни горести над прахом мужа великого.

Воины: «Пал витязь – и не восстанет от одра своего!

Зазвучит труба бранная, и он не ослабитя! Восстанут и возрыдают враги пораженные, и сердце его не затрепещет от радости! Уста витязя сомкнулись, сердце великого оледенело!»

Граждане: «Пал владыка Киева – и не восстанет от одра своего! Стекутся на широкий двор его и граждане м странники, и не возвеселится он за столами дубовыми! Воспоют ему песни похвальные, и он не отдарит их взором приветствия! Уста веселые сомкнулись, сердце гостеприимного оледенело!»

Воины: «Пал сильный – и не восстанет от одра своего!

Пролетит средь неба гром побед сынов его, и он не совосплещет общей радости! Повергнут побежденные к престолу Росскому дани богатые, и он не прострет к ним длани своей! Глубоко в земле прострется он; тяжелый курган наляжет на грудь его!»

Граждане: «Пал мудрый – и не восстанет от одра своего! Притекут ко вратам двора его и вдовы и сироты, и он не изречет к ним: дети мои! Воздадут хвалу

его кротости и милосердию, и он не воззовет к ним: друзья мои! Истлеет в утробе земли сердце благородное, один могильный холм возвестит векам: был он».

Все: «Пал Игорь – и не восстанет от одра своего! Пал витязь сильный, пал владыка мудрый! Тяжко окочал его сон смерти цепями железными! Не возбудится он и не восстанет на глас народа своего и воинства! Один могильный холм возвестит нам и родам отдаленным: был он – и нет его!»

Так пели воины и граждане, шествуя за прахом повелителя и наполняли воздух плачем и воплем. Достигли они холма высокого, ископали на вершине его могилу глубокую и опустит в нее останки мужа сильного. Туда ниспущен любимый конь его, товарищ верный в битвах тяжких: туда повержены тяжелый щит его и меч булатный; туда вся збруя богатырская.

Зтаовласый Световид, спускаясь уныло за леса и горы, последним взором своим осветил высокий курган над трупом Игоревым. Но возвратясь паки на небо киевское, узрел он плач и внял стонам целого народа и воинства над. могилою своего повелителя.

Смерть обладательница всего живущего под солнцем!

Кому из венценосцев ужасно острие косы твоей? Тому ли, который дни жизни своей исчислял числом благотворении?

Тому ли которого широкий двор был надежным убежищем сироты и вдовицы? Тому ли, который ополчался на брань и заключал союзы не по личной злобе или пристрастию, но единственно для блага детей своих и братии, для блага народа, ему подвластного? Нет! таковой вестника новой жизни встретит с улыбкой любви и надежды воздаяния. Одни подданные оплачут его и должны оплакать слезами горькими: ибо ясное, кроткое, благотворное солнце их закатилось, и они остаются во тьме сомнения, не будет ли на место его новое солнце, взошедшее на высоту поднебесную, покрыто тучами, в недрах своих скрывающими громы рыкающие и молнии смертноразящие!

Словарь устаревших слов

алчба – голод

бунчук – конский хвост на древке, символ власти

вежды – веки

вельми – очень

вепрь – дикий кабан

вервие – веревка

вертоград – сад

весь – село, деревня

волчец – бурьян

востекать – подниматься

выя – шея

горний – вышний

десница – правая рука

дванадесять – двенадцать

длань – рука

днесь – сегодня, сейчас

долу – вниз

дщерь – дочь

егда – когда

еже – если, которое, что

елико – сколько

зело – очень, сильно

измениться – уйти, исчезнуть
красный – красивый, прекрасный
купно – вместе
ланиты – щеки
ловитва – охота
мытарь – сборщик податей
мышца – рука
наполы – пополам, надвое
нарочитый – богатый, знатный
ниже – даже
оратай – пахарь
паки – опять, снова
паче – больше, лучше
перси – грудь
перст – палец
пременный – переменный
пря – распря, вражда, ссора
рамена – плечи
се – это, то, вот
сельный – посеянный
сонм – собрание, скопление
сретение – встреча
стогны – площади, улицы
страна – сторона
тать – вор
тьма – десять тысяч

чадо – ребенок, дитя
чело – лоб
червлeный – красный
яко – что, как
явор – роща, бор

comments

Комментарии

1

...моря Варяжского... – так в древности называли Балтийское море.

2

Световид – в исторических грехах XVIII в. так называли языческое божество древних славян. В данном случае поэтическое название солнца.

3

Перун – в языческой славянской мифологии – бог-громовержец.

4

...потомки братоубийцы Ромула... – Имеются в виду римляне. Согласно легенде, близнецы Ромул и Рем, сыновья племянницы царя одного из латинских городов, были брошены по его приказу в корзине в реку Тибр, но чудесно спаслись, были вскормлены волчицей и найдены пастухом. Когда выросли сильными и смелыми воинами, решили основать город, но поссорились из-за того, где его строить и кто в нем будет править. В ссоре Ромул убил Рема и сам основал город Рома (Рим).

5

Ярополк лестию и коварством любимца сразил брата своего, Олега... – Любимцем здесь назван воевода Ярополка Святославича – Свенельд, который постоянно возбуждал ненависть между братьями Ярополком и Олегом, Он подговорил Ярополка убить Олега и захватить его волость В 977 г. состоялась битва, в которой Ярополк победил. Скрываясь от преследований, Олег вместе с воинами побежал в город Овруч, но на городском мосту теснившие друг друга люди столкнули князя в ров, и он был задавлен конями.

6

...б терему красот Севера... – так образно назван Новгород, один из красивейших городов Древней Руси.

7

...Ярополк пал!.. – Ярополк был убит своим братом Владимиром в междоусобной борьбе в 980 г.

8

...взошел Владимир на трон полуночи... – В Древней Руси полуночными странами называли северные страны. Когда Владимир узнал, что Ярополк убил Олега, то испугался и бежал к варягам.

В 980 г. он вернулся с варягами и сел княжить в Новгороде, т. е. взошел на трон полуночи.

9

Кому не известно шествие Владимира на греков, когда он...от них принял крест и Анну, прекрасную сестру кесарей? – Имеется R виду поход Владимира Святославича на Корсунь (Херсонес) в 988 г. Согласно летописной версии, в Корсунь Владимир крестился и взял в жены сестру византийских императоров Анну.

10

Подобно древнему Соломону возлюбил он мудрость и блеск прелестей женских... – Здесь Владимир сравнивается с иудейским царем Соломоном, который прославился мудростью и женолюбием.

11

...Святослав, убегающий злобы и мщения Святополка... Святослав и Святополк – сыновья Владимира Святославича. После смерти отца Святополк захватил власть в Киеве и решил убить своих братьев, видя в них претендентов на киевский престол. О князе Святославе летопись упоминает очень глухо.

12

...безудельному сыну Князеву... – т. е. не имеющему собственного княжеского удела, вотчины.

13

Давно бы постигла тебя участь Глеба и Бориса... – В борьбе за киевский престол Святополк в 1015 г. убил своих братьев Бориса и Глеба.

14

...неистового Нерона... – Имеется в виду римский император Нерон (54–60 гг), прославившийся жестокостью и лицемерием.

15

...безумного Калигулу... – Имеется в виду римский император Гай Юлий Цезарь (37–41 гг.), имевший при жизни прозвище Калигула.

По свидетельству современников, Калигула был сумасшедшим. Как пишет Свет описи, «помраченность своего ума он чувствовал сам и не раз помышлял удалиться от дел, чтобы очистить мозг» (Федорова Е. В. Императорский Рим в лицах. М., 1979, с. 92).

16

...бесчеловечною Атиллу! – Имеется в виду вождь гуннского союза племен, отличившийся своей жестокостью. Умер в 453 г.

17

...что подобно древнему Македонцу... не ужаснулся наречь себя единственным сыном миродержателя... – Александр Македонский (356–323 до и. э.), царь Македонии, выдающийся полководец.

18

На чреду Гломара... – т. е. на место, которое занимал Гломар.

19

...фиал гнева своего... – т. е. чашу гнева своего.

20

...копьями дебелими... – т. е, толстыми.

21

Никто... из багряноносцев... – т. е, правителей.

22

...перловому ожерелью... – т. е. жемчужному.

23

Скудельное изображение – могильное изображение, *скудель* – кладбище.